

СМЕНА

№ 21 ноябрь 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛУЧ» г. МОСКВА

«ОПЕРАЦИЯ НАРУС-74»

Владимир ДЯЧИШИН,
секретарь комитета комсомола
Львовского автобусного завода
к 50-летию СССР

На нашем заводе проводило учредительное заседание Клуба рабочей чести «Знамя отцов» Синяков Василий. Сидели рядышком преподаватели трех поколений: ветераны войн и труда, наставники, опытные мастера, вышедшие выпускники школ и профтехучилищ, сегодняшние старшеклассники. Внимательно слушали тех, кто стоял у колыбели завода, рос вместе с ним, делил его беды и радости. Слова ветеранов были обращены к молодой смене, к тем, кого торжественно посвящали в рабочие. И директор завода Валентин Федосеевич Снедь вручал новикам рабочие путевки.

Один из самых молодых членов Клуба рабочей чести, Николай Шарубин, выпускник львовской школы № 48, в тот день тоже получал путевку, но он уже может считать себя поместившимся в рабочем.

— Мой отец работает на заводе электромонтером, — сказал с трибуны Николай. — И я хочу продолжить его дело.

Не забывая минуты посвящения в рабочую, светлый праздник. За ним следует будни. От посвящения в рабочую до становления мастера — дистанция огромного размера. Как быстрее преодолеть ее? Это вопрос волнует сейчас больше ветеранов, чем самых новичков, хотя в первую очередь именно от них, от их желания и упорства зависит, как скоро они одолжат эту маршевую дистанцию и с полным правом смогут называть себя мастерами.

Газетным путем приходят юноши и девушки на завод. Один из них мечтал о дне, когда сможет сказать: «Это мой завод, цех, моя бригада». У них, как правило, на ЛАЗе работают родители, родственники, друзья. Другие попали к нам в общежитие случайно, без полного представления о заводе и своем будущем. Но мы надеемся, что и для них ЛАЗ станет вторым домом. Сдать в чужую гостиницу подростков. Это современные юноши и девушки, энергичные, птывые.

Мы понимаем, как важно помочь новичку сделать первый шаг, поддержать его в трудную минуту. Поэтому стараемся ближе познакомиться с нашим пополнением, раньше чем

молодой рабочий получит заводскую путевку. Конечно, вначале это только беседы, стараемся «раскрыть» человека, понять его стремления, подказать лучший для него профессионал и т. д. Это первое знакомство много значит и для нас и для подростка. Потом заботимся, чтобы за каждым молодым рабочим был закреплен хороший инструктор. В наставники подбираем людей технически грамотных, опытных, обладающих высокими профессиональными и моральными качествами. Опыт наставника — верный путь новичка к мастерству. На собраниях наставникам вручаем особые «наказы». Сейчас с молодыми рабочими занятия 174 наставника.

На закрепление молодых рабочих влияют их условия труда и быта. Они из года в год улучшаются. Недавно мы заселили общежитие на 330 мест и 163-квартирный дом для малосемейных. В будущем году завод построит еще одно такое общежитие и такой же дом для молодых семей.

Большинство юношей, которые приходят на завод из профтехучилищ, через пять-шесть месяцев уходит в армию. Казалось бы, это минус для нас: молодой специалист не успевает закрепить свои знания и навыки самостоятельной работы. Не успев вроде бы сродниться с заводом. После армии они могут выбрать любую работу, любую струю. Но большинство ребят, закончив службу, все же возвращаются на завод. Мы считаем это в какой-то степени своей заслугой. Призывников прощаем со всеми почетом, как с солдатами поддерживаем постоянную связь, выдем их. Их возвращение — своеобразная оценка нашей работы. Высокая оценка. Думаю, что в выигрыше и ребята. Ведь возвращаются они как бы в родной дом. Здесь они начинают свою трудовую жизнь, здесь им и мучатся, становятся мастерами.

Замечу, что число демобилизованных военных, которые приходят на завод, составляет ежегодно около двухсот человек. Это — самая надежная наша пополнение.

Чтобы глубже изучить условия труда молодых рабочих, уровни их квалификации и формы профессионально-технической подготовки, мы провели анкетирование в трех цехах завода, где трудятся в основном молодежь. Полученные данные не были для нас неожиданными, но они помогли лучше спланировать работу с

подстарком. Одна из основных наших проблем — приобщение юношей и девушек к техническому творчеству, изобретательству и рационализации. Не все комсомольцы еще имеют постоянные или временные поручения. Теперь мы стараемся помочь каждому молодому рабочему сделать все необходимое, чтобы они быстрее росли и крепли.

«Все необходимое» — отнюдь не означает «тепличные условия». «Растительная жизнь» нашим первооткрывателям не угрожает. Первогодок, так мы называем новобранцев рабочего класса, почувствует себя уверенно в коллективе только тогда, когда понастоящему изучит свое дело, поднимется на высокую ступень профессионального мастера.

Становление человека как мастера и как личности — процесс неразрывный. Современному производству нужны не ремесленники, но универсалы-инженеры, а люди сознательно мыслящие. Если хотите, люди государственными масштабами мышления, которые умели бы не только работать, но и управлять производственными процессами.

К нам приходят юноши и девушки, окончившие наше Базовое ПТУ № 5 или другие техникумы, а также выпускники школ. У первых есть специальные навыки, а другим нужно, как говорят, начинать с нуля, хотя за плечами у них десятилетка. В строительстве «нуль» — это фундамент. На фундаменте аттестат уже можно строить прочное здание мастерства.

Но и среднее образование имеют еще не все наши рабочие. Вот почему вопросы обучения в вечерних школах, в базовом техникуме — в центре внимания и комитета комсомола и комсомольских организаций завода. У нас даже ведутся такие: «Каждому молодому рабочему — среднее образование!»

Повышение профессионального мастерства — общеобразовательного уровня — один из основных пунктов личных планов молодых рабочих, участвующих в Ленинском зачете, выполнение которых обязательно учитывается при подведении итогов социального соревнования.

Чтобы лучше представить масштабы этой работы, обратимся к цифрам. На вечерних и заочных отделениях вузов сейчас обучается 189 рабочих, в техникумах — 169, в школах рабочей молодежи — 305, на стационаре

Львовского политехнического института и университета — 21 заводской стипендия.

В прошлом году повысили свою квалификацию на всех видах курсов 1552 рабочих и 248 инженерно-технических работников. Стали курсантами действующими вечерние курсы при Базовом ПТУ. В системе экономического образования обучается 60 процентов рабочих и инженерно-технических работников.

В своей работе мы ориентируемся на завтрашний день завода, стараемся увидеть его перспективу. Сейчас наш коллектив решает большие задачи, связанные с реконструкцией. С вводом новых производственных площадей, автоматических линий и конвейеров потребуются и дополнительные кадры высококвалифицированных рабочих, способных справиться с новейшим оборудованием. Вот почему проблеме подготовки и переподготовки кадров мы уделяем так много внимания.

Под особым контролем комитет комсомола-молодежного комитета бригады Николая Саца и Валерия Разгона образованы в одно и то же время, работают в одном цехе, выполняют одинаковую работу, и люди, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в середнячках ходит. В нем же причина? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Конечно, нельзя, составляющие эти коллективы, в чем-то похожи. По крайней мере они одинаково молоды, и квалификация у них, думаю, одна и та же. Но Бригада Разгона идет, как правило, впереди соревнующаяся, а Сац со своим коллективом в сред-

«Поднимать воспитательную роль комсомольско-молодежных коллективов. Развивать движение наставничества, шире привлекать к воспитанию молодежи кадровых производственников, ветеранов труда, передовиков социалистического соревнования».

Из резолюции XVII съезда ВЛКСМ

НАША ОБЛОЖКА — «КРУЗЕШНИТЕР» — САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПАРУСНИК МИРА.

Фото ВАСИЛИЯ МИШИНА

ФОТОРЕПОРТАЖ «ОПЕРАЦИЯ «ПАРУС» НА 12—17-И СТРАНИЦАХ.

Поэтому они и занимают в соревновании призовые места. Но должен сказать, что мы изучаем положение дел в отстающих бригадах, наверное, тщательнее, чем в передовых. Каждая бригада оценивается по нескольким основным показателям. Учитываются средняя выработка каждого рабочего, сдача продукции с первого предъявления, присвоение улазм и деталей заводского Знака качества. Особенно активизировалось социальстическое соревнование молодежи после комсомольских собраний, на которых обсуждались документы и решения XVII съезда ВЛКСМ. Комсомольцы наметили широкую программу по выполнению этих решений. Нам необходимо повысить качество не только выпускаемой продукции, но и качество всех выполняемых работ на всех участках, на каждом рабочем месте — это задачи каждого заводского комсомольца, всех юношей и девушек.

При подведении итогов соревнования учитываются также, сколько бригада подала рацпредложений, их экономический эффект (например, бригада Сигизмунда Эдварчука только за I квартал 1974 года внесла 4 рацпредложения с экономическим эффектом 5,3 тысячи рублей).

Влияют на оценку победителей соревнования и перевыполнение ежедневных производственных заданий, и экономия сырья и материалов, и повышение производительности труда по сравнению с плановым. Если скажем, цех обязали повысить производительность труда на 5 процентов, то показатель бригады должен быть выше среднего по цеху.

Обязательно учитываются и профессиональный рост, участие каждого из членов коллектива в общественно-полезной работе, трудовая дисциплина...

В буднях соревнования, в его благоприятном пламени формируются новые черты, совершенствуются политические и нравственные качества молодого рабочего.

И это закономерно, ибо по рубежу наветренного в социалистических обязательствах, проходит самый напряженный фронт борьбы за нового человека, за человека с истинно бойцовскими качествами.

Видя все это, понимаем, что соревнование, будучи активизацией нравственного зрания, предполагает в первую очередь чистоту и честность и в наших делах и в наших поступках.

Не удержусь, чтобы не процитировать слова из путевки, которую мы вручаем подросткам. Мне кажется, в них очень хорошо выражена наша формула действия: «завод — молодого рабочего».

«ты переставешь порог цеха, где тебе придется работать аннотке годы. Ты идешь туда не в гости: коллективу нужны твои рабочие руки, твои знания. Ты найдешь здесь надежных друзей-товарищей по работе, найдешь свое место в цехе».

Здесь ты должен вписать в свою биографию наиболее важные строки, ибо биографию человека создает труд — труд адекватный и самоотверженный. Пусть же твоя жизнь будет частью великой жизни нашего завода».

Человек, который вырос на заводе, стал настоящим специалистом, всегда с гордостью говорит: «Мой завод, моя бригада». И это не банальные слова. Марка завода, честь завода — его честь.

Приведу только один пример, свидетельствующий о том, как понимают молодые рабочие свою ответственность, свои обязанности перед заводским коллективом.

Когда наши рабочие узнали, что жидкоиспек металлургии не могут поставить в срок 1 800 тонн металлоконструкций, очень необходимых для реконструкции завода, было решено послать в Жданов бригаду добровольцев в составе 15 человек, чтобы помочь ждановцам выполнить срочный заказ. Среди добровольцев был и бригадир комсомольско-молодежной бригады арматурного цеха Виктор Кравчук (кстати, комсорг бригады добровольцев). Четыре месяца будут работать наши ребята на Ждановском металлургическом заводе имени Ильича, а друзья Кравчука обязались выполнять в эти месяцы и смежные задания своего бригадара. И в этом примере мы видим нашу формулу в действии.

Сложные проблемы решает в этом году коллектив львовских автобусостроителей. Не снижая темпов выпуска машин, проводят реконструкцию, борется за повышение качества продукции, внедряют новую технику и прогрессивную технологию. И везде на трудных участках производства по-ударному трудятся молодые лавозцы. Сегодня их боевой девиз: «Пятилетке — победный финиш».

ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЬ»: НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ. ВСЕ РАВНО, ЧТО НЕ ВСТРЕТИТЬ ТЕБЯ.

2

20
УВИДЕННЫЙ НЕВИДИМКА.
ТЕХНИКА ЧУДЕС
И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

24
ГРУЗИНСКИЙ МОТИВ.

28
ГО — ДЕЛО РЕНТАБЕЛЬНОЕ.
СТАТЬЯ О ПРОБЛЕМАХ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ПЯТИЛЕТКЕ — УДАРНЫЙ ТРУД, МАСТЕРСТВО И ПОИСК МОЛОДЫХ ЛЕСОРУБЫ

РЕПОРТАЖ С ВОЕННЫХ УЧЕНИЙ В ГОРАХ

ЗАТРАЩАНЫЙ ДЕНЬ КОРАБЛЯ «ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ»

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦОННАЯ: В. С. Абашиш, А. П. Куляшов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луциш (заместитель главного редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рыбчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середя, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов (главный художник), Д. И. Филатов

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкин

ЗАСПЕДИНА СМЕНЪ: НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

Юрий КАЛЕЩУН,
Альберт ЛЕХМУС (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

Так что там с раствором? — переспросил Ахметшин.

— Один и десять.

— Ну, веселое кино. Забой больше тысячи метров — к сеноману пододем, а раствор не работает...

Галимов пожал плечами; замер он делал тщательно, несколько раз, но удельный вес не менялся — один-десять, как ни считай, и только. «Ничего ты не понимаешь, Леня», — подумал Ахметшин. — «Ничего. Не было тебя с нами тогда — вот ты и не понимаешь...» Ночная вахта уже давно уехала, но теперь Ахметшин не торопился уйти из культурыди — перечитывал записки в вахтовом журнале (поверст страницы резким почерком Володи Павлика, сменного мастера, было записано: «Нефть в раствор не вводится!» — и все-таки новая вахта, вот черти, поборить им захотелось, как же, нефть смазку улучшает, долото легче идет, но удельный-то вес раствора падает, а впереди сеноман, газоносные пласти), вновь принимался разглядывать разноцветный листок ГТИ, геолого-технического наряда (ничего нового в нем не было: «К сеноману иметь раствор один-шестьнадцать» — Ахметшин наизусть это знал), искоса поглядывал в окно, на буровую (к тормозу он поставил Юлдашева, верхнюю, — пусть привыкает к пульту буровщика, Ахметшин любил, когда в его вахте каждый умел с любым делом справиться, сам он и на подвешеннике орудовал и наверх карабкался, лихо набрасывал аркан на гибкие свечи, орал: «Пошел!» — хотя откуда никто не мог его услышать, он и сам никогда не слышал, что кричал ему Юлдашев, просто чувствовал, что пора), утро было ясное, солнечное, даже это мрачное озеро казалось голубым.

— Плохо идет турбобур, — сказал он, — с отдачи.

— Долото сработалось, менять надо.

— Ага, — согласился Ахметшин. — Только поднимать инструмент все равно нельзя — раствор легкий, ты же сам знаешь. Бурить тоже нельзя — пласти, не дай бог, вскрыем. Да-а. Все, как в тот раз...

Он замолчал, неловко выковыривая сигарету из пачки, потом долго ее раскуривал — он вообще все делал медленно, вяло, но Галимов знал, как обманчива эта вялая медлительность; Ахметшин никогда не торопился и почему-то всегда успевал раньше других.

— Пошли мы тогда на подъем. Одну свечу поставили на подвешенник, вторую... Вот тут-то сеноман и начал раствором плываться. Жутко. Ведь это же газ прет. Но ребята не растерялись — Юлдашев мигом вниз спустился, вместе стали обратный клапан наворачивать. Не сумели. Раствор уже до кронблока хлещет, я ребят не вижу. Успели только энергию перекрыть — и с буровой. Зашли в столовую: «Бги, Миша! Выбрось! Она заприщипала: «У меня же ноги большие», — да так дунула, что мы в километре едва ее нагнали. А она сокрушается: «Там деньги остались — двадцать девять рублей, не жалко. А вот котлеты жалко. Я котлет не готовила, думала, сегодня народу немного — поедите как следует». А мы ей: «Мы компоту попили, хороший компот, спасибо, Миша».

ВСЕ РАВНО, ЧТО НЕ ВСТРЕТИТЬ ТЕБЯ

Он не сказал Галимову, что, когда в ту ночь он вернулся домой и Ольга встретилá его и поставила чай, он долго не мог поймать стакан дрожащими руками,— Ахметшин уже не раз видел газовой выброс, знал, как работает сеноман, понимал, что за дьявольская сила таится в этих газоносных пластах и как она сокрушает все, если за ней не уследишь, дашь ей вырваться наружу,— сейчас-то все обошлось, вы даже не поняли, ребята, чего вы избежали; а Ольга сказала: «Когда ты бросишь эту работу! Я с ума сойду». То были не просто слова, и он знал это, но ничего не мог изменить: только работать надо было по-другому, с раствором они тогда промахнулись и знали, что могут промахнуться, но не верили, отказывались верить — обойдется, как сто раз обойдилось; не обошлось, вот в чем дело, а не в том, чтобы бросать бурение. Он не мог оставить эту работу; он должен был научить других тому, что уже умел сам, научить работать чисто, бурение не прощает безграмотной лихости; а еще — научиться твердости и научить этому других.

«Нефть авели, надо же. Вот черти... Метров им закотелось».
— Все, бурить больше не будем,— сказал он.— Надо бойлер заказывать. Заказчем в емкости раствор один-двадцать, может, что и выйдет тогда.
Появился в кульбудке Юлдашев — каска красная, глаза хитрые, а голос мрачный:
— Принимай решение, командир.
— Что случилось?
— Змея под мостками. Ну, просто работать невозможно.
Пошли к мосткам. Там уже вся вахта собралась — Юлдашев палкой тычет, у Фатихова за чем-то ведро в руках, а электрик Саша Борисов, здоровенный мужик, похожий на боцмана времен парусного флота, лопик за спиной правит, Галимов с стороны встал. А змея забилась под бревно, только головой ворочает.
— Гадюка,— определил Ахметшин.— И что же вы с нею сделать хотите?
— Лопатой ее!

◀ ВЛАДИМИР ГЛЕБОВ.

ТАК НАЧИНАЕТСЯ СКВАЖИНА. ▶

— Лосенг лучше.

— Облить совхозом — и дело с концом.

— Ну, темнота, — изумился Ахметшин. — Прессу читать нужно. Журнал «Наука и жизнь», знаете, что пишет? Змея недо берет. Вот так. А мы, платим Лешинскому, Лешинскому, Лешинскому, как одну змею со саёту съели. Ну, хороши. Попроси-ка, Леня, в столовой стеклянную банку дитра на три.

— Сама она, что ли, в банку ползает?

— Да в банку я ее посажу, ребята, — сказал Ахметшин. — Чего тут спешить?

Он поставил банку на землю, взял два прутка, лоско подхватил ими змею за голову, приподнял ее, терпеливо ожидая, пока расквашивающаяся змея осядет над отверстием; а банку гадюга свернулась кольцами и шипела, пробуя стапко длинным язычком.

— Вот и все.

Гурьбой она понесла банку в вагончик: поварили даже замесившие в столовой заедерники, когда эта странная процессия проходила под окнами.

— Ну, темнота, — развел руками Юлдашев.

— Однажды мы шли вдоль Уфимки, — вспоминал Ахметшин, — это еще когда я в нефтеразведке работал, — вдруг видим: лосенок в завал угордил, а рядом мать его бьется, плачет, ничем помочь не может. Увидела нас — а у всех ружья, так она на наши ружья кошь внимания, — зовет, и такое горе у нее в гоносах. Разобрали мы завал, вытащили лосенка, дальше пошли, а лосика долго нам вслед смотрела. Наверное, если бы говорить уметь, сказала бы: «Доброй вам дороги, ребята!» Борисов постукал пальцем по стеклу; змея подняла голову, зашипела.

— Надо молока ей дать, — решил Борисов.

— Теперь и на связь можно выходить, — сказал Ахметшин. — Так и так, поймали змею, рост шестьдесят сантиметров, молодая и хорошая соборная... — Красненько мест там, на Уфимке, — сказал Юлдашев.

— Ага, красивые.

Ахметшин всегда помнил о своей работе в нефтеразведке: там многое проснилось, и то, что сейчас ему дорого, он научился ценить тогда. Он жия странно и путанно; мечтал поступить в институт, но пошел в школу бурьянщика, то было прекрасное время, тогда он Ольгу встретил, потом они нелепо поссорились и расстались — навсегда, конечно; он мечтал работать в бурении, но пошел в институт, учился на факультете механизации сельского хозяйства, работал лаборантом при институте, был очень влюбленной фанатом — бросил все и ушел в нефтеразведку; поезд, увозивший его в отпуски, проходил через Уфу и в Уфе стоял долго, Ахметшин куря у окна, рассеянно поглядывая на перрон: отпуски вперед, сезон был трудный, и маме ему давно до того, долго или коротко стоить его поезд в Уфе; и тут он увидел Ольгу, она стояла на перроне, кому-то махала рукой и смеялась; поезд тронулся, Ахметшин выскочил на перрон... Должал он Ольгу уже на вокзальной площади — такси она ждала, что ли; а этого дня они решили пожениться.

Резко загудела рация.

— Вот и база дает о себе знать, — сказал Ахметшин, снимая трубку. — 98-й куст слушает.

— Что там у вас?

— Ждем бойлер с раствором.

— Почему не бурите?

— Я уже объяснил — раствор не заработал.

— Ну и что?

— Слушай, — раздраженно сказал Ахметшин, — может, ты мне еще и письменное распоряжение дашь, чтобы я бурил, и с нарочным его пришлешь? Ты бы лучше барит вовремя прислал, чтобы параметры раствора мы могли нормально держать.

— Какой ты тогда бурьянщик, если тебе нужно письменное распоряжение! Пиши заявление об уходе, а можешь и лично подавать — а без бюрократии обойдусь.

— Видел! — сказал Ахметшин, вешая трубку; лицо его было растеряно, но обиды в нем не было — все слышом уж просто. — Отвечать ни за что не хочет, а метры ему давай.

— Ничего, сейчас бойлер подойдет.

— И Глебов вот-вот подъедет, пора ему.

Глебов и Павлык ехали на Буровую вместе, с ними в машине был еще Морозов, механик участка. Морозов, так и не добившись от Глебова ответа, что же тот видел в ФЭГ (а, по правде говоря, видел он там немного: поездка была короткая, официальная, была работа; только в последнюю день вместе с переводчицей Таней он выбрался в город на два часа — для того, чтобы тут же потерять Таню в каком-то большом магазине; полтора часа он прождал Таню у памятника Бетховену и больше уже нигде не ходил, снова

босье развинулся. — Морозова эта история не заинтересовала) пришлось изводить Павлык, а без того, что он старается назваться старше своих двадцати пяти лет, непонятно: геология — это же основа всякого знания о земле. А бурение — основа геологии. «Снова!» — оглушительно хохотал Морозов. — Провертели дырку в семь километров глубиной — вот и все основа. Да теоретически такую дырку можно было еще тысячу лет назад лопатой выкопать. «Ну, лопатой...» — ехидно говорил Павлык. — Теоретически только механики на это и способны — семь километров лопатой копать. «А что бы вы делали без механики?» «А вы без бурения?» Да-а... Что бы делал без бурения он, Глебов? В школе он любил физику — хорошая была учительница, выкола Лариса Дмитриевна, увлекался радиоделом; до-

кумимты подал на отделение телемеханики и зломатки. Но по конкурсу не прошел. Решил попутать счастья в бурении — а что знал он нем! После второго курса была практика — пятнадцать дней строили то ли склад, то ли сарай, потом показали на Буровую, поглядели на нее издали, не вылезал из машин, и вот и все; зато после третьего курса он попал на Урай. Там начиналась тюменская нефть, оттуда все вышли — и Шакин, и Петров, и Кингав; лучше бурьянщика его нынешней бригады — Ахметшин и Былаов — уже работали там, когда он только проходил студенческую практику. До нее, той памятной практики, еще все могло повернуться иначе, он мог уйти из института, поступить в другой, но теперь ему оставалось только бурение. Он увидел дело, которым занимались настоящие мужчины; он повзрослел в то лето.

В конце 1972-го, уже здесь, на Самотлоре, он

приказ бригады, начали они азартно, даже рекорд проходили на долоту поставили, но это так, попутно, главное — дойти к другу привычки, выяснить, что чего стоит. Володя Павлык приехал из института и начал помбуром, а вахта Азметшина, потом сая буринщиком стал; Глебов предложил ему пойти с самым мастером, тот удивленно покачал головой, но согласился; хорошо они шли, ладно.

— Нет, ты послушай, что он говорит, — не выдержал Павлык морозовского напора. — Он говорит, что буровую вышку придумали еще во времена строительства пирамид!

— Механики, — уточнил Морозов. — Между прочим, даже глушить выбросы, давить газовые фонтаны вас, дураков, тоже научили механики, предельный метод поршня.

Первый выброс был а иноле, а вахта Азметшина — бригада вот-вот должна была завершить годовой план, спешили, конечно. Облегченный рабочий экономят время — вот и экономичнее. Хорошо, буровую удалось слесить. Во время второго выброса, когда оборвалась колонна и улетела вниз, проши пласт, вышка запыляла: рубильник был под ветром, энергию отключить не успели. Хотя причиной аварии был заводской брак — труба перекосилась выше резьбы, это не сильно горечи: ведь теперь-то он знал, что винить можно было бы избегая, догадаться он закливать раствор прямо в ствол, а он не догадился. Стоял рядом с ротормом, прикрывая голову от неожиданно хлынувшего грязевого ливня, а решение принять не успел. Никто его в этом не винил, никто на сам знал, что сделал тогда все, что мог, а потому теперь должен делать больше,

чем может. Он вспомнил, как тогда Азметшина (авария произошла в самом конце дневной вахты, а Азметшин приехал в ночную) уговаривал тракториста завести трактор, чтобы оттянуть вагончик; тракторист отнекивался, кругом уже черт-те что творилось, а Азметшин сказал: «Ладно! Хочешь, я какую сниму и вперед! трактора поеду?» Он сдернул с головы каску и пошел вперед! трактора — воял, нетерпеливой походкой.

— На 98-м кусте чья вахта сейчас? — спросил Глебов. — Азметшина!

— Да, Гена после выходного вышел, — ответил Павлык. — Славный он парень, Гена Азметшин. Когда я после института в его вахту попал, ужас как растерялся: все вроде знаю, а делать-то ничего не умею. Гена возился со мной долго, терпеливо. Здорово помог. Я и сейчас с ним дружу — с ним интересно.

— Это точно, — подтвердил Морозов. И удивлялся: вот ведь, что он в свои слова вкладывал. Но Морозов похмылил: — Вчера мы долго с ним о жизни толковали. Кстати говоря, к механике он относится правильно. Не то, что ты, Володя.

Годовой план они выполнили к сентябрю, и обязательства выполнили — шестидесять с лишним тысяч метров набурили. А в 74-м замахнулись на восемьдесят тысяч. Больше них среди комсомольско-молодежных бригад страны только Китаев взял — восемьдесят пять. Так то Китаев... Мастер. Странно, с Китаевым они работали на одном озере, жили в одном городе, а встретились толком только в Москве, в гостинице «Россия», во время комсомольского съезда. На съезд Глебов приехал в ужасном настроении: первые два месяца года, когда бригада начала работать, дуламу буровыми станками, сложились отвратительно, больше мерзли, чем работали. В марте начали потихоньку набирать темп, но все было зыбко, ненадежно, и уезжать Глебову было тяжело. Китаев и не думал его утешать; просто рассказывал про свое братство, про то, как работали, выкарабкались из аварии, принималась звонить в Нижневартовск, вызывая 87-й куст, вынимая душу из Гулина, своего свяжного мастера, раскрывая, как прошла за лыжка колонны, пока Гулин не начал басыть: «Да будет тебе, Васильич... Все нормально... Китаеву тоже приходилось нелегко, и его результа-

НЕФТЯНОЙ ПЕЙЗАЖ ТЮМЕНИ.

ты — это работа, долгая, терпеливая работа всей бригады. Да кому легко на Самолетов! Слава самолеторских буровиков — каждодневное, ежедневное служение делу, которое они избрали, нервы, равновесие, выдержка требуют предельности, самоотверженности. Съезд закончился для Глебова событием радостным, торжественным и не немного straordinario — добились ответственности: его избрали членом ЦК. Весь май бригада шла вперед, адски быстро, набурили много, даже Петрову попортили кровь; потом Глебов улетел в ФФГ, а когда вернулся, узнал, что Китаев выполнил пятилетку. Хотел поехать поздравить, но тут же навалились дела, обычные хлопоты — там заглянуть в редакцию, там выдать приказ, там кому-нибудь сказать: только вчера встретился мне в Кинтаевым на совещании, вот тогда и поздравил. И все-таки раньше надо было выбраться, раньше...

Машина свернула с бетонки и, одолев триста метров песка, припарковалась остатке парковки, остановилась. Павлык перам прыгнул вниз и сразу сказал:

— Не бурят они. Вот и Азметшина, у бойлера стоит.

— Что с растормом? — спросил Глебов.

— Один и триндцать! — ответил Азметшин.

— Надо поднимать инструмент.

— Нельзя, Володя, — тихо, но твердо сказал Азметшин. — Еще три сотых надо добрать...

Глебов посмотрел на змею, сплясую в банке, и сказал:

— Вы бы тот воды ей дали. Сварится она у вас здесь на солнце.

— Мы молока наливали...

— Ладно, — сказал Глебов. — Еще один бойлер закачаем — и тогда поздравим.

Пришел бойлер, за ним еще один. И еще... И день уходил. Очень хочется написать про то, как Галимов, сделав очередной заезд, зямричал: «Расторм один» — считывать показания приборов по своим бовым постам, начала подъем инструмента: вот ушел в шурф квадрат, вот злеваторм навис над муфтой первой свечи, и она пошла наверх, где ее уже ждет Юдашев, Азметшин остановился, поглядывая в показания прибора верхнего, и Юдашев открывает воротца злеваторм, а Галимов и Фатихов раскрывают очередную свечу; еще написать про то, как они сменяли долото и, не имея ригля, открывали свечи в ствол один за другим, и подсказывая опускаться, потом наверху квадрат и начали бурить, прощито, двести, пятьсот метров, но так не бывает, так не было. Была монотонная, непрерывающаяся работа без метров и славы, но она тоже называлась бурением.

А метры пошли только в следующую вахту, когда Азметшин, держа стевляную банку на колонке, уже ехал домой, и его парни сидели рядом, уставшие и прижатые. Только шиферу, которую не давала покая ежа, Юдашова сказал строго и назидательно: «Гамота... Прессу читать надо». На буровой осталась вахта Фарада Билалова, Глебов знал его хорошо, еще по Ураю, но все же решил не уезжать домой. Билалов опытный буринщик, основательный, работав и в Башкирии и в Средней Азии, пока не осел на Самолетов; для Глебова на Самолетов все только началось. И биография, и дело, и судьба. Но рос он уже вместе с ними — с Билаловым, Азметшиным, саям бригадой. Он никогда прежде не думал, что будет работать в бурении, он даже не знал, что такое бурение; теперь знает. На другом берегу озера — их видное стогода — торчат вышки: 80-я буровая и 367-я. Там были у него аварии. Но они таковыми не только о том, что не сделано, а о том, что предстоит сделать.

— Расторм в норме, — сказал Билалов. — Начнем подъем.

— Давайте. А я пойду на 103-й куст — поре и там забуривается.

Вахтовый автобус миновал мегионскую развилку, поворот в аэропорт и въехал в город. Открылась дверь, «Привет, да здрава, автобус пуст». Азметшин шел домой неспешно, уставло переставляя тяжелые, непослушные ноги.

— Когда ты бросишь эту работу! — сказала Ольга и вздохнула.

Он глядел на нее — столько лет прошло, старшая дочь уже в пятом классе, а Ольга все такая же, как в тот день, когда он стоял у окна в поезде, и курил, и вдруг увидел ее на перроне.

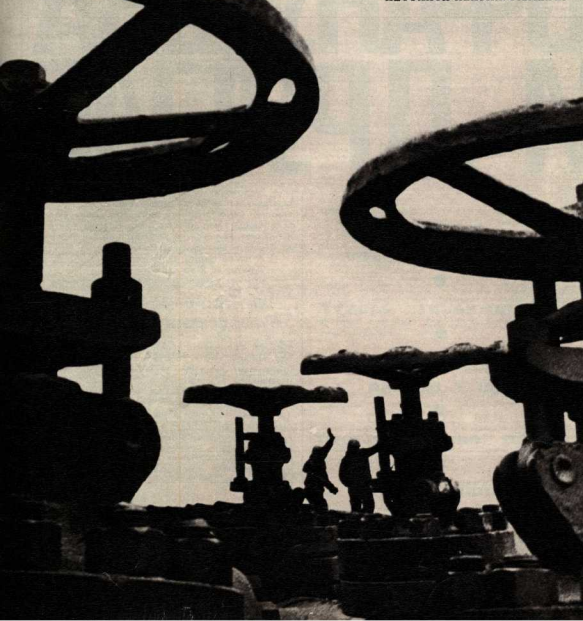
— Ты помнишь, как я тебя нашел!

— Искать ты меня... Мы же просто случайно встретились.

— Нет, искал. Тебя искал, дел свое искал. И нашел. Помнишь, как я тебя нашел!

— Помню, помню. Сядьсь ужиная!

— А другое дело... Разве могло быть другое! Ну, это же все равно, что не встретить тебя.

И как только робот оживал, к нему невозможно было приблизиться.

— Уж здорово!

— Да, пусть...

— Вот это уровни! Молодцы ребята!

Робот был великовозраст. Он говорил, считая, отнимаясь на команды, делая ужимку. Двухлетней девочке — словом, каверным жестом на чемпионате роботов ему был бы обеспечен.

Впрочем, героями выставки научно-технического творчества молодежи были не только создатели чудо-роботов. Многие экспонаты, как и этот, придуманные и сделанные молодыми рабочими, заслужили той же точной оценки: «Это уровни!» Оценки, дающей понять, что здесь решительно забыта небезопасность — хотя и добрая, жгучая — смекачиваемость, с которой обмолву судят о творчестве молодых. НТТМ — это серьезно, потому что НТТМ — это витрина производства. Сверхжесткого, насыщенного металлами и автоматами, на уровне научно-технического прогресса. Как тут не порадоваться за молодых, сумевших подняться до такого уровня!

Но Саньке Дуньшу до всего этого нет дела.

У него третий разряд шлифовщика, какой-никакой опыт, норму не провалил ни разу. Это сперва он не туда сунулся, Сосед надумал в цехушки слесаря-ремонтала — заработок, говорит, хорош. А там как навали знания! И этот станок учи, и тот станок учи, а станков электрических в цеху — миллион! Поуравнялся месяц и на увольнение подал. А мастер говорит: дайвай с шлифовщицей, поворочай будет. Правда сказал мастер — факт, впрямь. И с денюжками начал себе.

Выглядит Санька красавцем. Пышными волосами до плеч, на расклатанной груди крест с ценойкой (сам сделал) — научился-таки напильник в руках держать. И джинсы с расстругами — ничего, техника безопасности не возражает.

Дет Саньке дайвайт, обрадованная и него — носом в классов. «А куда больше? — удивляется Санька. — Мы всегда требуем!»

Всегда ли?

Твоя профессия

Владимир ГРУДСКИЙ

ЛЕВШИН ОФАНУШКА И ДР.

И... ДРУГИЕ

Есть выставка НТТМ, и есть произведения молодежи, и эти произведения делегированы производителю. Было бы противоестественно, если бы жизнь бы прекратилась. Однако много ли Левшей производится на душу населения? Сколько их, скажем, в пропорции к личному составу завода, отрасли! При этом мы хорошо понимаем, конечно, что речь может идти именно о соотношении, а только до какого-то предела. Левшей не может быть «чересчур» много. Уней все подкачать блоку — проще, тогда Левша, человек незаурядный. Значит, Левшей немного. А кто же есть еще! Санька Лукин!

«Мы всегда требуем!»... Знакомо. Со времен Фоминички! А, колхозники на что! То есть нас отвезут. Какая связь, спросите вы! Социальная. Митрофанушку, которому навпелать на географию, ямичник отвезут в указанный городишко, а нового Митрофана, вне науки, вне прогресса держащегося, отвезут вперед общество. Вот такая тут связь — прямая, «эстетическая».

Но митрофанов, как и Левшей, немного, к тому же мы занимаемся соответствующими Правдами. И, поумиравшись год-другой, отправляемся митрофаны в парикмахерскую, приобретающие к нормальным штанам и стихают во нраве, славятся... С кем, собственно! С другим. Левшей немного, митрофанушки — унемного, а кто же другие, которых много!

Лих их многообразен. Однажды он проглянул в выветках, заполненных молодыми рабочими од-

ного из машиностроительных заводов. Куда пошел учиться! — что то в этом роде спрашивала анкета. Если нигуда, требовалось объяснить, почему. И вот, называя помехи, перегородишь дорогу к школе или вузу, другие выводят: «У меня маленькая ребенок», «Престарелые родители», «Далеко живу», «Начальство не создает условия»... Тут, как видите, всего двадцать — от простенького лукава до прямых претензий, к которым у нас еще будет случай вернуться. И все же мы с вами знаем многих, чье положение — дома ли, на работе — ничуть не лучше, а они учатся. Весь вопрос, видно, в том, насколько это человеку важно.

Но лих их многообразен. Иногда он глядит на вас своими глазами с фотографир, наклеивной на зачетку. На зачетку Игоря Батькова, например. Скоро у него будет диплом техника-технолога по холодной обработке металлов, и говорить об этом можно твердо, без всяких суеверных опасений. Потому что каждую страничку зачетки украсил орнамент из «звезд и нот». Есть Игорю чем гордиться. Тем больше что учеба нисколько не вредит его работе.

Не вредит? А как помогает?

Игорь. Смотрит на меня понимающе: — Ну, конечно. В смысле общего развития...

— Да нет, в конкретном смысле. Например, повисит производительность труда. Рассчитать иной режим резания, угол заточки резца — об этом, улучшить технологию.

В своих глазах Игорь задумчив. Тон его становится чуть-чуть назидательным:

— Технология у нас проверенная-перепроверенная. Она для всех одна. А есть люди и показатели меня и посылыны! Что лих! Больше всех надо! План я выполняю, браком никто не попрекнет. И потом, у нас поточное производство. Некогда экспериментировать.

— А после смены задержаться!

— Да что вам же заедем.

— Что же, ваши рационализаторы нигде не учатся!

— Ну, рационализаторство — дело добровольное...

85 процентов рабочей молодежи в возрасте до 30 лет, которых имеют высшее, незаконченное высшее, среднее и неполное среднее образование. Цифры, что и говорить, внушительны! Но не прикрывает ли и тут «карикатурный» как качественную разнородность! Равная ли цена тем инженерам или, допустим, техникам, чьи зачетки выглядят одинаково благополучно!

Еще раз взглянем в папку статистика. На каждый рубль, вложенный в развитие народного образования, страна получает около четырех рублей. Покажется, разумеется, средним. И нет сомнений в том, что Левша возвращает свой долг с куда большими процентами. Но оседает в папке статистика около четырех рублей. Не из-за других ли!

Мастера «железного дела»

Как подковать блоку?

При станке или у станка

Зачем токарю диплом?

Ценная реакция примера

СОТВОРЕНИЕ МИРА

НТР — явление всеобщее, широчайшее, исторически предопределенное. Но именно эта всеобщность и там в себе некоторые недоразуме-

ТОЛЬКО ДАВАТЬ

ать не вернулись ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду. Эти дни пролетели в общей тревоге — и за себя, и за мать, и за события, которые грелись где-то на западе. Тонкин пошел в военкомат, но, узнав, что он с Карла Либнехта, пожилой офицер, видно, из запаса, посаженный на регистрацию добровольцев, это, словно ему наносили смертельную обиду, откасался от любимого дела, сказал:

— С Карла! Не велено брать. Завод важный — броня у вас! Не прикдиже, пока соответствующее указание не будет.

Только время отнимаете...

Юрий вышел растерянный. Радиосообщения неслись одно тревожнее другого, но еще тревожнее являлся с Старуку Гуму сам далекий и невероятный и от этого еще более пугающий фронт.

Наверно, только этой тревогой да еще, может быть, жалостью к столь дорогой его сердцу награде объяснялось рисковое решение Тонкина не сдавать приемник, что требовало общим мобилизационным распоряжением. Он несколько раз поворачивал пойти и сдать аппарат куда следовало, но каждый раз не хватало духу.

В тот вечер впервые, пожалуй, он не пожалел, что не подчинился общему распоряжению. Жадно прислушиваясь к голосам, летевшим из эфира через треск, который казался ему теперь эхом тяжелых, еще не познанных боев, Юрий услышал глухой, темный голос, который заставил его вздрогнуть. Смысл слов сдержанного, как бы личного обращения вывернул душу наизнанку:

«Товарищи Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращается я, друзья мои.»

Если это говорил Он!.. значит, в самом деле опасность серьезна. Намогнутые спортивного диплома начал записывать тушим огрызок карандаша факты и фразы, которые доходили до сознания. Только однажды у него не подлился рука записать:

«Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Если это говорил Он!.. значит, в самом деле опасность серьезна.

«Намогут случиться, как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Ribbentrop! Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка! Конечно, нет. Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения! Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если в пользу этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Ribbentrop.»

Юрий протянул руку в ящик комода и, не глядя, выхватывая один за другим свои спортивные дипломы и на обороте, еще склепые и склепые, записывая слова Сталина, который говорил, казалось, вечность и сказал, казалось, все.

Карандаш ослепительно заигрался, но Юрий, вертя его боком, продолжал записывать как можно больше, хотя толком еще не знал, зачем это делает. Может быть, подробно переписав глетом, друзьям, матери! Вряд ли. Он не мог не понимать, что речь Сталина транслировалась по местной радиостанции и каждый зритель страны слушал его так же, как он по приемнику. И все — как Юрий писал.

«...в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...»

Когда Сталин перестал говорить, Юрий сразу же выключил приемник и долго сидел, задумываясь в сказанное. Потом привился быстро, на память дописывая все, что в слепке пометил лишь одним-двумя словами.

На дух стало как-то споконнее. И чувство тревоги не то чтобы исчезло, но заменилось явным решительным желанием что-то сделать. Иллюзия временности идущей с Запада опасности как-то сразу пропала. В слесе сталинских конкретных указаний креплея и его. Юрий не знал, что думать. На следующее утро, оторвавшись на два дня, он отправился в деревню к брату узнать, что с матерью.

Юрий поймал случайно военную полугорку и напросился подвезти до районного центра, от которого было верст семь пешего хода до Знаменки, где жил брат.

Неприятности начались задолго до цели токинской поездки — раза два шофер останавливал полугорку и, поднимая капот, подолгу копался в железных внутренностях мотора. Потом они молча трогались в путь. И, наконец, километра за три до районного центра полугорка заглохла, и шофер, молчаливо боец в промешленной гимнастерке, упрямо бросил:

— Если торопишься — дуй пешком! Кобыла съехала! Динамо развалилось... Юрий приторчал возле мертвой полугорки еще с полчасца — невольно было бросать съмытанного парня в беде. Но когда шофер, хлопнув капотом, даже отказался рыться в моторе, подхватил чемоданчик и двинулся пешком.

Вечерело. Может быть, из-за неверного вечернего света, может быть, потому, что слишком понадеялся на память, хотя лишь раз проехал по проследочной, фуцеляй напрямки дороге, на братиной лошади, он сбился и долго плузал по несмым, покосим один на другом, пустынным дорогам. Только глубокой ночью вышел на огни и к своему удивлению, а еще больше радости, увидел, что попал в Знаменку. Братина хата стояла второй с краю. Он громко стучался в дверь, задвинутую на щеколду. В потемках раздался голос невестки:

— Ктой-то!

Отозвавшись, Тонкин услышал громкие радостные восклицания, потом его втащили в хату, и щеколда вновь легла на место.

В хате было тепло, видно, уже давно легли спать, и разобрать, кто где, было трудно. Юрий услышал с леми голос матери. И хотя она запрятала быстро в тревожно, Юрий как-то сразу успокоился: мать жива и здорова. В последнем, как выяснилось, он ошибся. Пока собирались с лавок и леми старые туфлы и заляпывая им с помощью рогачей лавенные, полуслепые окна, что свет не попадал на умки, Юрий стоял у стога и не решался двинуться. После вечерней прохлады духота задреванной наглухо хаты напоминала парную старика Бонифация.

Наконец засветилась «треглейничка», и в прыгающем, неверном свете Юрий разглядел мать, свесившуюся с печи.

— Живой! — спросила она и вновь запрятала: — А я уж извелась! — некорректный обед оставила только на два дня. А тут еще война! Узнала — обмерла! И видеть тебя уже не чаяла — думала, в армию забрали! Душала, убоить, и пощелать глазки твои не доведется...

— Да полотно, полное, мам! — Юрий стал на лавку и, обняв мать, поцеловал в лоб — Жидорова, никакой армии. Я тогда сблизился, где продал...

— Ужас! Ужас! Со дня на день ждал, не вытерпел и пошел... — Правильно сделал! — Вернувшись из сеней невестка поставила на стол крынку с молоком и большую миску с холодным вареным картофелем.

У мамы беда: ранила тыльную ногу на прополке. Рана пустовая, а вот не уберечь! Пухнуты стага, пухнут, фельдшера вызвали, он силан лекарствам, крынку сбил, а рана не затгивается! — все плачет и плачет гном.

— И ходите не мошесть! — спросил Юрий, обернувшись к матери.

— Не, сынко, не могу! Как стану — по костям боль до самой макушки отдаст. Душала, здесь и концы оставлю, —по-отцоски сказала она.

Юрий засмеялся.

— Перестань, маманят! Меня похоронилиа, себя — тоже. Мы еще поживем.

— Ой, недолго жить! — завопила невестка.

— А Федька-то где! — снова почувствовав причину ее слез, спросил Юрий.

Та зарыдала еще громче, а мать с печи ответила вместо нее:

— Ужас! Ужас! В среду добровольцем и ушел. Он же активней был, спортивный, охотник...

— Ну, полно тебе, Людха. Вернется Федька. Там что и затгнулось дело, но ненадолго. Von меня в военкомате и слушать не стали. Говорят — катись домой, без тебя разберемся.

— Ой, как бы так, а середко мое чувет, что не выдать мне больше Федора. Да что вы, баби, белены обумели! — закричал Юрий, и от крика пляма «треглейничка» за новыми, толстыми стеклом зачехлено, с тороны в сторону, и по хате побежали дыбки тую, будто хата сама стала мирражем... Или потемки на вас так заблестают!!! Все о смерти, все о смерти!

— Так ведь дело какое! Придет дурный много. Матери юны порозило — раз. Телка съедла невестку отчего — даа, ветеринар на обследованье уезз в район. Грибоб ныне там-тумудья — три. — Она опять принялась всхлипать.

Юрий обнял невестки плотные плечи и, наклонившись, снова сказал:

— Будет. Все обойдется...

— Ты ешь, ешь, — с печи подала голос мать. — Мы ешь вечерали.

Людха утерлась платком, повзала его на голову и вновь всхлипла в сенях. Потом она сделала бошыми деревянными блядами, которые Федор, большой искусник, добил сам каким-то своим хитрым методом из старых улопчатых корневич. Бляды казались телесными, с прожилками и такими разодами, словно кто-то специально и тщательно раскрасивал их долгими зимними вечерами. В одной миске горой зоплилась капуста. Другая по края была наполнена прожаренными засоле огурками и зелеными помидорами.

Пока ед, сидели молча. Людха смотрела на него заплаканными глазами, как на дальнего заморского гося, и презрела которого моллила долго и штеп-

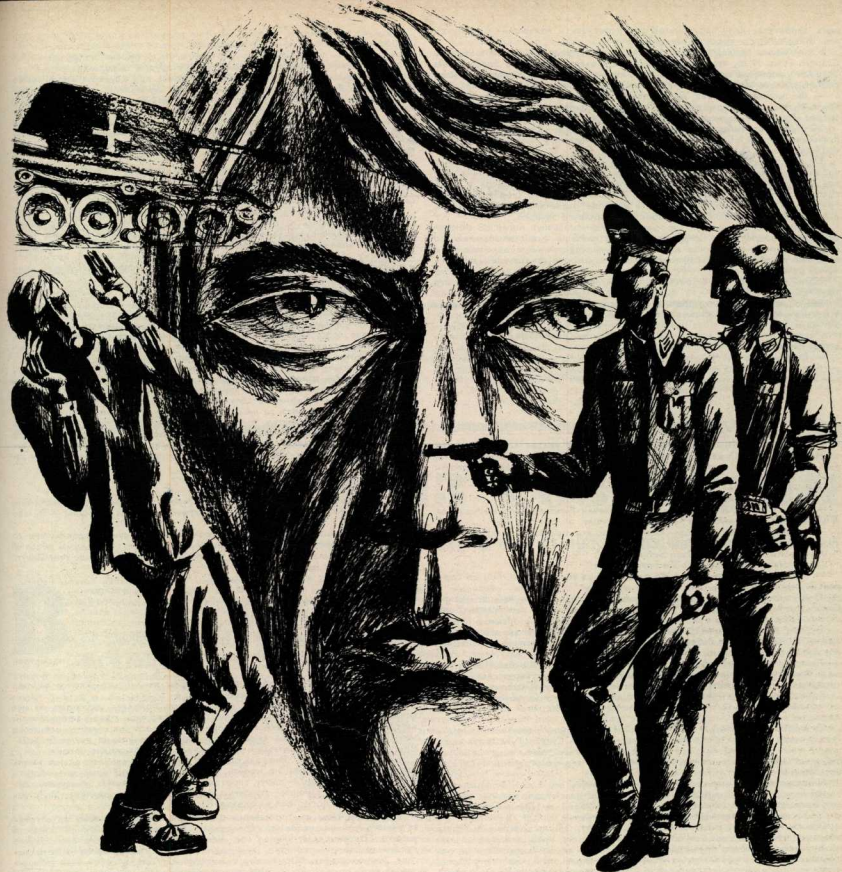

Рисунок Вячеслава ПРОВОТОРОВА

но. Когда он выпил две большие кружки парного вечернего молока, мать принялась рассказывать:

— Оступилась я, Полопа и сплеховала. Жаркое иичне лето. Земля сухая. Комок такой, что трактором не раздвинуть. Ударилась тыловой, да притомилась, наверно, криво ударила. А сама на грудок наступила — вот нога под тяпку и пошла. Феденька только наточил ее, чтобы мне легче работать было. И вот тебе напасть. В самую дурную минуту случилось. Сейчас бы домой надо.

— Вдвоем мудроно вернуться. — Юрий пересел поближе к печи. — Я одино-то сюда едва добрался. Машину попутную поймал, а та спломалась.

Юрий принялся рассказывать о том, как живут в городе, что знает про войну, как играли последний матч, и как германец обстрелял стадион, и как выступал Сталин. Что раненых уже привезли с войны много, больница полна, рассказывать не стал, дабы не бередить и без того склятенную душу Лидухи.

Мать слушала, не перебивая, и, видно, от боли радости или боли в ноге уснула тихо. Когда — Юрий даже не понял. Лидуха хотела постелить ему в хате, но он воспротивился и, прихватив несшитые последние принадлежности — мягкий лоскутный ковер и пеструну, несбытую подушку, — забрался на

сенник. Долго прислушивался к ночным звукам, как бы плавающим в терпком запахе пересушенной травы, но вздохам коровы, шумно ворочавшейся внизу, под дощатым полом чердака, и кажется только припрорнул.

Когда проснулся, солнце стояло уже над лесом, а Лидуха сливала свежее, утренней дойки молоко в большой белый бидон. Было блаженно и покойно. Вставать не хотелось. Сон на свежем воздухе отогнал малоречь, усталость. В полве с легкая гуделю от свежего воздуха и запахов, будто после похмелья. Надо было что-то решать с матерью да и с собой — все-таки война и невесть как повернется дела: с завода отпустили его лишь на два дня...

Весь день Юрий провел в бегах — пытался найти врача, но оказалось, что это не так просто. Фельдшер, который смотрел мать, уже ушел на фронт: врачей мобилизовывали в первую очередь.

К вечеру, словно донеслось спертое дыхание фронта, пришла колонна с ранеными, и Юрий упросил сопровождающую бойцов попутную седую женщину-врача, усталую и раздражительную, взглянуть на рану матери. Она осмотрела, как показалося Юрию, слишком белго, но тем не менее заметил

— Гуж—это сказал он,— по пойме и пойдем. Там в кустах и камышах укрывается двое дикого монхи. Ни одна собака не найдет.

За ночь они стороной обошли немецкую переправу, перебежав через дорогу в разрыве колонны и едва не покая в свет неожиданно вынырнувшего грузовика. Но к утру напоролся на новую переправу. Забрался в камыши так близко от моста, что порывы ветра доносили не только льющую немецкую речь, слова команд, но даже легкое позвякивание оружия и смех.

Тезка устроился на коряге, представлявшей в камышовой пяди единственное сухое место. Тонину пришлось забраться вглубь, и он с трудом усеялся, поджав ноги, на старой окопничьей засидке, сложенной из плавника и жесткой, иссушенной осоки.

Он не понимал, сколько сидит так, прислушиваясь к звукам, каждаый из которых грозил жизни не смерью, но незаметностью, и поглядывая на солнце, нумеруя, словно выключен обшивавшись, тнушающе по чистому, бес единого облачка небосводу.

К полудню стих и ветер. Стало не только жарче до невинности, но и опаснее— стоило повернуться на занаменную Höhe, как далеко, ивместе, и в голосам до сторои, несся ружь сужого камыша. Хотелось пить, спать и выпуклаться.

«Какая смелость! — до воды подать рукой и умирать от жажды и жары!» — думал Юрий, глядя на темный до угольного блеска русок речной глади с круглыми быстринами разводов, проглядывавших сквозь два густых слона камыша.

Он прислушался к шуму, который то ли из-за дневного марева, то ли потому, что действительно движение не дороге спало, затих. На фоне звенящей популенной тишины он услышал треск, под стать, наверно, тому, который содадет само слоно, прорывавшее сквозняк воздухом.

Юрий, несмотря на страх вылезти себя, поднялся над камышом так, чтобы видеть дорогу, и опешил. От него, от их камышового укрытия, шагал человек, в котором Юрий с трудом узнал своего тезку. Он шел, широко расставив ноги, как человек, проводивший немало часов в воде. Он шел, будто стесняясь неприязни жеста, ружь. Юрий сразу же не понял, что делает тезка.

«Ничка садается пошею, ублюдок?! Да не что же он расщитывает?! Эх, образный Жаль, не придушла я тебя вечером, когда за гражданку бороздился!»

Токин атянул голову в плечи, понимая, что теперь каждое его движение еще заметнее с дороги, но не мог оторвать взгляда от бредущей жалкой фигуры.

На переправе Блондина заметили не сразу. Потому несколько немцев, среди которых был офицер, с интересом уставились на подходящего. Автомат, который было поднят один из солдат, офицер отвел рукой и что-то громко сказал.

Блондин выбрался на дорогу и почену-то начал быстро-быстро, словно благодарствуя за незаслуженные аллодисности, кланяться. Немец как бы прижался к кланявшемуся, и Юрий понял, что тот обсыкал подошедшего, а потом подтолкнул прикладом в сторону офицера.

Дальнейшее походило на кошмарный балет. Блондина с каждой минутой еще энергичнее размахивал руками, оборачивался назад и показывая на камыши.

«Заключайте, подлец. Там, говорит, еще один сидит. Да, с таким типом в одной команде не поиграешь!»

Немцы что-то говорили между собой, громко, почти не обращая на Блондина внимания. Когда тот еще раз махнул рукой — дескать, мид. Блондин, ничего не понимая, делал, лаялся, несколько успешных шагов, а потом резко повернулся с готовностью выполнить любое указание. И тогда, почти не целясь, немец выстрелил навскидку, наверно, одним движением вынимая из кобуры и разряжая его в русского пленного. Блондин вылез из воды, прыгнув только сейчас, тонкая гулкость сделала, выйдя из камыша, и того лег в пыльную траву. Юрий его больше не видел, поднялся повыше желая не было. Он лих, скрипя зубами, нырнул в камыш, достал из кармана спички — единственное оружие.

«Сунуться только, паразиты, сунуться! Я вам не тот слитник, а вам только понарик сделаю, что долго потом от копоти отмыться будете. Веск камыши запало, до самой вашей груди!»

Анатолий РОЗИН

ОДИН ИЗ СЛОВ ВЗВЯЗ

АДРЕС УДАРНОЙ — УСТЬ-ИЛИМ — ЛПК СТАНЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ СТРОИКОЙ

спокойной глади водохранилища отражаются многоэтажные жилые здания. К гранитной набережной стегают широкое улицы и проспекты. Зеленый аэрико сталодия и прозрачный вод кинолатора окружают белые параллелепипеды жилых кварталов. И неожиданно среди этой маленькой геометрии появляется нетронутый кусочек тайги. И снова дома, улицы, вокзалы. Красивые, холодные, белоюдые. Вокром раскрасывало на столе фотографии города, существующего дак меня исе еще только в макетах да в бедных сваяках чертковой.

Наверно, тот, кто начинал этот город с первого колышка, кто разметал его первую улицу, кто мерз в них, а случалась, и голода, ивядит в фотографии в макетах больше, чем я, ивядит отчетливо и краснорече.

— Всего год назад наш рабочий поселок обрел статус города, а совсем недавно Совет Министров РСФСР утвердил генеральный план строительства и развития Усть-Ильмы, — говорит председатель горисполкома Юрий Федорович Федотов.

Мэр Усть-Ильмы под стать города — молод.

В 1959 году приехал в Братск, работал плотником, мастером, прорабом. На Усть-Ильмской ГЭС, что называется с «нуля», своими руками закладывал первый дом будущего города.

— Сейчас Усть-Ильма расположена на левом берегу Ангары, а со временем его центр перекуерит на правый берег.

— И будет, по существу, два города?

— Ни в коем случае. Ленинградский научно-исследовательский и проектный институт градостроительства не только спланировал правую часть города, но и сумел в своем плане объединить существующий Усть-Ильм с новым, будущим.

— Что же, кроме общего архитектурного замысла, их объединяет?

— Мост. Большой железнодорожный и автомобильный мост через Ангару. Он и лежит у Тонкого мыса. Мосте быть, со временем их свяжет еще одна автомагистраль, мы надеемся, пройдет через трещины котлован.

Когда на исполкоме обсуждали генеральный план города, как-то забывши высказали депутата в адрес архитектора?

— Самое существенное замечание касалось моста, о котором я упоминал. Моста через плотину. Но нужен он не сейчас — в будущем, когда город разрастется.

— Но ведь в недавние темпы развития. Меньше десяти лет назад стояла здесь деревушка Невоя с десятком деревянных домов, где жили охотники и рыбаки. Сейчас в Усть-Ильме 25 тысяч жителей, в основном строители и энергетика. По Генеральному плану здесь будут жить 300 тысяч человек: ханники, бузанички, лесоразработчики, энергетика.

Средний возраст жителей Усть-Ильмы примерно 25 лет, возраст комсомольский. И не случайно у нас в городе три Всесоюзных ударных комсомольских строикой. Во-первых, это сам город, во-вторых, Усть-Ильмская ГЭС и, в-третьих, большая международная строикой — асепоримышленый комплекс.

В первый район строикой на правом берегу вкюдит четыре микрорайона. Это пяти- и девятиэтажные жилые дома с общей площадью вкюдолово около двести тысяч квадратных метров, школы, детские сады, спортивные сооружения, больницы, поликлиники, объекты культурного и бытового назначения. Даг гидроэлектростанция этого года отчета нахарженный, необходимо поставит под нагрузку три первых агрегата. Задача, как вы понимаете, чрезвычайно сложная и ответственная.

На строительство асепоримышленого комплекса включены тоже с жилам и прокладкой дорог, убранны на месте будущей строительной площадки триста гектаров тайги, уже выкопан большой объем земельных и бетонных работ. Прекрасно работают «коричневки», как у нас называют бойцов ударной отряда имени Николая Острооского.

— Этот отряд приехал специально на строительство асепоримышленого комплекса, но, насколько я знаю, ребята работают и на городских стройках и на ГЭС.

— У нас три ударные строикой, но, по сути дела, одна большая — Усть-Ильмский промышленный комплекс, куда входит и сам город, и ГЭС, и заводы ЛПК. Да, коричневки работают сейчас и на ударных объектах гидроэлектростанции, но в комсомольском времени и на ЛПК будут так же ударно трудиться гидроэлектростанции. Стоит ли считать, что и даг работают важно — как. По крайней мере сейчас — в самом начале.

О будущем Усть-Ильмы вы пусть коротко,

но рассказали, о вашей гидроэлектростанции знаете, думаю, каждый комсомолец, а вот что собой представляет новая строикой — асепоримышленый комплекс.

— В него вкюдит крупная биржа по раскряжеке хлестов мощностью шесть с половиной миллионов кубометров. Цеаллолозный завод будет выпускать по миллиону тонн в год бобой, самой лучшей целлюлозы. Деревореработывающий даст двести тысяч кубометров пиломатериала, древесностроительный обеспечит выпуск по миллиону квадратных метров плит. Кроме того, будут построены заводы бурфурфора, скипидара, кормовых дрожжей. По идее на этом комплексе должны пойти в дело и опилки, и ветки, и даже древесная кора. Вот это по-хозяйски!

По-хозяйски относятся здесь и к строикой. Начиваются они, как приехали с жилам и дорог. Недавно созданное управление строительства ЛПК начало свою деятельность с подбора кадров и обеспечения их жильем. Вблизи строительной площадки уже возрос «Комсомольский» городок из уютных дружелюбных общежитий и многоквартирных домов. В скором времени в Усть-Ильме будет создана мощная база строиндустрии, заводы которой должны выпускать детали для уникальных новых перспективных серий. Так что строителям Усть-Ильмы в палатках жить не придется.

— Асепоримышленый комплекс — строикой международная, и ней примыкает участие страны экономоической кооперации. Вскоре к нам придет и большой отряд строителей из британских стран. Работать они будут вместе с нашими ребятами на одних и тех же участках, в одних и тех же бригадах.

Надеемся наш журнал опубликует очерк о болгарском химике и строителе Антоне Церакове. Он мечтает приехать на работу в Усть-Ильму.

— Ну что ж, придет — работа найдется. Итересная работа. Другой, думаю, и не бывает. Особо мне у нас в Сибири — самому перспективному человеку на земле. Я когда первую улицу в Невояе планировал, уже знал, что будет здесь город, во чтобы там ни было, и я не предугадал. Да ведь он только оживил и возродил промышленные центры, что выросли вблизи Байкало-Амурской магистрали. Да нашего края мало среднего человеческого воображения.

1 «Смена» № 17.

ОПЕРАЦИЯ «ПАРУС»

Владимир ТОЛМАСОВ,
капитан дальнего плавания,
старший помощник капитана
учебного судна «Крузенштерн»,
Василий МИШИН (фото),
специальный корреспондент «Смены»

**НЕЛЕГКИ ШТУРВАЛ
ПАРУСИКА.**

1. «ТОВАРИЩ», СССР.
2. «КРУЗЕНШТЕРН», СССР.
3. «ДАР ПОМОЖА», ПОЛЬША.
4. «ГОРХ ФОК», ФРГ.
5. «ГЕОРГ СТЕЙДЖ», ДАНИЯ.
6. «ВИЛЬГЕЛЬМ ПИК», ГДР.

Шад Копенгагеном испоконная ночь. Атлантичский циклон, прорывающийся через горы Скандинавии на Северо-восток, четвертые сутки тащит за собой бескомпромисный шлейф дождевых облаков. Ветер меняет направление от западного до южного и обратно. Каким он будет завтра, 14 июля, в день начала парусной регаты под кодовым названием «Операция «Парус-74»!

Наш учебный четырехмачтовый барк «Крузенштерн» — массивное судно с высокими мачтами, дашливыми реями и густой паутиной оснастки, и для того, чтобы он с места в карьер развил приличную скорость, нужен сильный попутный ветер, вплоть до штормового. Судно настолько велико, что семиметровая осадка не позволяет ему пройти во внутреннюю городскую гавань Нидерхавн. Там в тесном соседстве стоят парусники меньших размеров, но с большими надеждами на успех: наш «Товарищ», западногерманский барк «Горх Фок», датский корабль «Георг Стейдж», бригантина из ГАР «Вильгельм Пик» и целая армия шхун и

яхт, участников предстоящей регаты. Височенные огнями четкие линии мачт и рей, легкий рисунок оснастки хорошо видны в эту предстартовую ночь.

Мысли экипажа заняты заботами завтрашнего дня, но хлопоты наши начались гораздо раньше, с того времени, когда Советский Союз решил представить свой парусный флот на международном сборе учебных парусных судов двумя кораблями — учебным четырехмачтовым барком «Крузенштерн» Министерства рыбного хозяйства СССР и учебным барком «Товарищ» Министерства морского флота СССР. Барк — это парусное судно, которое на двух или более передних мачтах несет прямоугольные паруса, закрепленные на реях, — так называемое прямое парусное вооружение, — а последние мачты, бизань-мачта, имеет трансцендиальные и треугольные паруса — косое вооружение. Барк — трехмачтовое судно. Если оно имеет четыре или более мачт, то называется соответственно четырехмачтовым барком, пятимачтовым и т. д. Последний из пятимачтовых барков «Копенгаген» пролаз без вестей в 1928 году в волжах сорочковых широтах.

Славная эпоха парусных кораблей.

Огромное дело восхода: как будто прохладит лето наверху грядущего дня и каждый несет головно.

Согласное это движенье, прекрасное это сожжение ошеломенных ночью на заре, как бы на огромном костре —

есть первый значительный праздник из лирических, хорших и разных, торжества, фестивали, что день устраивает для людей.

И как бы ни прожил тот день я, глазу на зарю в убеждении, что нынешний этот восход никто уже не отберет.

Ничком в траве, довольно зеленой, в загородной, в довольно густой траве, они лежат, головы к голове,

и запах горя, горько-солёный, ошело-сладный, входит в состав, вливается в ритм, пока, подложные под ноги, они лежат, тела распласта.

Вытряхнулись из городской пыли, едали сором минут в автобусе, сором минут по лесу шпик: иные они не в Москве, а в области.

Грандиозные облака в темпе вальса по небу движутся. Здесь они решат на века, когда распылятся и где пропылятся.

На последний автобус успеть нелегко и за столетья эти все на свете решит автобус — все на свете! Все на свете!

Глулая музыка, затертая стеной, сощасая, словно врозь, свизло на яру, как рыженикий котенок малой, уязвляясь след за мной.

Что требуется музыке глухой, невзрачной песне от меня? Не много: молчалива почти нелого — унывается слух плохой.

а также подчинение всего, походки, ритма и существования, ее зналарство, чара, возлыванию, вальдустью.

А больше ничего.

Платон

Стал много читать Платона, чтил чред драматических глав. После выхода каждого тома выпукает подписчик стремглав.

Интересно, помогут ли совети эти споры античных времен, эти красноречивые повести, те, что нам повсюдет Платон!

Скоро вымыслит. А понуды мы не знаем еще,

привуду.

хоббик, красного радн сплоча, что дороже родного отца,

млн этот старинный философ,

еще томов четыхх

объем отвечает на пару вопросов, тех, что мы себе задаем.

давняя миру множество географических открытий, ушла в безвозвратное прошлое еще в последней четверти прошлого столетия. Нынешние сведения о единичных плавающих парусных судах используются только в учебных и спортивных целях, и тем не менее интерес к ним огромен. История всегда движет, живая история — валюние.

В 1938 году по инициативе шведского капитана Арнольда Шумбургера был организован первый сбор учебных парусных судов, а в 1940 году — Северо-арктического Союза учебных парусников. После войны это инициативе поддержала английская «Ассоциация парусного спорта» (СА), не выходя к тому времени, как это ни парадоксально, ни одного плавающего учебного парусного судна. Первый послесоветский сбор парусников мира состоялся в Англии, в бухте Тор в 1956 году, и в нем приняли участие 22 парусных судна из 11 стран. Сбор предусматривала проведение встреч, игр и спортивных соревнований между командами судов. После этого плавающие суда впервые состязались в гонках по семисотмильному маршруту. Т.х. теперь по подобие международных сборов стала проводиться регулярно каждые два года: они состоялись в Бресте, Осло, снова в бухте Тор, в Нью-Йорке, Фалмуте, Гетеборге, Пулауте, Киле.

В 1974 году проходила олимпиада по счету сбор, который по мнению общественности, примечательнее тремя пошествами: впервые принимают участие парусники Советского Союза («Крузенштерн» и «Товарищ»), впервые выехал гонку парусных судов закончилась в порту социалистической страны, в Гамбурге и, наконец, впервые стартуют две регаты — Балтийская и Атлантическая.

Устроителем и организатором Балтийского сбора «Оверсия Парус-74» стала отмечавшая в 1974 году свое тридцатилетие Польская Народная Республика, чей учебный парусный корабль «Дар Поможка» вышел победителем в гонках 1972 года. Одинадцатидеять стран дали согласие на участие в Балтийской регате: Бельгия, ГДР, Франция, Англия, Голландия, ДНР, Швеция, СССР, США и ФРГ. Сто парусных судов, в том числе около пятидесяти судов-ветеранов (реконструированных из старых парус-

ников), собралось в Копенгагене в ожидании старта.

Атлантическая регата оказалась менее представительной: шесть государств направили в испанский порт Ла-Корунья тридцать одио судно.

Са-Ором, было о чем призадуматься в предстартовую ночь.

Утром 14 июля в полном соответствии с программой сбора состоялся первый парусных судов. Каждый крупный корабль класса «А» проходил перед королевской яхтой, веде за собой два десятка более мелких судов.

Прямю с парада парусники стали вытязаться на стартовую акваторию Дрогогенского рейда в южной части королевской яхты, веде за собой два десятка более мелких судов. «А» — юго-запада, а это означало, что стартовать придется, следуя очень круто к ветру; — следствием такого курса бымет большой дрейф и потеря скорости. В 13.45 «Крузенштерн» встал на якорь в предписанном месте, а в 15.20 капитан Иван Григорьевич Шнейдер созвал на мостик штурманов и боцманов мило, чтобы коротко обсудить дальнейшие действия на старте.

— Смотрите, — заключил, кто-то, — «Горх Фок» свляс с якоря!

По этому поводу мимо нас стремительно промчался штурмановский барк, работавший машиной и несся все колесо, треугольной формы паруса. Он шел к стартовой линии, явно намереваясь опередить события. Средн офицером, собравшимся около бизань-мачты, возмущалась сумоуарная фигура капитана Фн Стакельбергера в бмстемном от водной пыли регале. Он недоволеню задержал свой взгляд на нашем судне. Черный шар, подвешенный над носовой частью «Крузенштерн» и означавший, что судно еще стоит на якоре, не вызывал у него волнения. Его внимание было приковано к другому советскому паруснику, барку «Товарищ», который тоже маневрировал неподалеку под косыми парусами и уже готовился ставить штурмовые паруса.

Мы не имеем права проходить стартовую линию раньше 16.00, — сказал Иван Григорьевич, провожая глазом «Горх Фок», — пусть Фн Стакельбергер выбирает стартовые очки.

Но «Товарищ» тоже рвется к старту, — прогнозировал третий помощник капитана Виктор Гераскич, — или находится в лучшей позиции, чем остальные.

Мы свлясся с якоря при шквалистом ветре силой в 8 — 9 баллов в 15.30 минутам к стартовой линии. Однако еще не набравший скорости и немевший большую кормовую парусность корпус «Крузенштерн» плохо слушался руля. Складывался угроза столкновения. Единственным выходом оставалось помозать право руля и лечь круче к ветру. Провел эти маневры, «Крузенштерн» пересек линию старта. В это время у нас была поднят штурмовый парус и поставлены явные штурмовые. Как только старт остался позади, а провозило это в 16.00, начали ставить остальные паруса. В течение 10 минут лод показала скорость 9 узлов. Короткая волна Дрогогенского рейда явственно билась в правый борт, и над палубой беспрерывно пронеслись тучи соленьих брызг. Такжео развирившаяся, «Крузенштерн» с креном на левый борт лег на курс 190 градусов.

Теперь можно было переодохнуть и оглядеться.

Внезапно по курсу, милах в трех под штурмовыми парусами легко шло «Дар Поможка». Он держался того же курса, что и «Крузенштерн», намереваясь обогнать наш. Фальшштурбор, установленный на корме, контролировало судно, фиксирующее правильность прохождения маршрута. Далеко слева под всеми парусами уходила на юго-восток «Товарищ» и «Горх Фок». Они отличались большой скоростью, которую позволяла им развивать кратковременный попутный ветер. Нарушение правых регаты очевидно, но если — по действительным причинам — на судно будет наложен временной штраф, то по сравнению с выигранным временем он представит незначительную величину. Выиграв в ходовом времени, мы могли потерять олимпийскую чашку штурбора. Осведомо Олег Павлович Ващенко, капитан «Товарищ» и мой давний приятель, решился на этот рискованный шаг. Во всяком случае, он не имел ни малейшего шанса на успех. Сзади, зарывався в волну, был датчанин «Георг Стедьяк» и британгитина из ГАР «Вильгельм Гиль». Легкие на ходу и маневренные лодки, конечно, сейчас они перия в скорости.

Четырехмачтовый барк «Крузенштерн» был построен в 1926 году в германских верфях Везермунде как грузовое судно. Он мог брать в свои вместительные трюмы более 2 000 тонн груза. Но называние «Плавучий барк» никак не соответствовало окоеванию плавания вокруг грозного мыса Гари в Чили за рейсы и позднее — австралийские рейсы с зерном. «Плавучий барк» никак не соответствовал судно. Расстояние от Гамбурга до Гальфагона оно проходило за 87 дней, а маршрут из Гамбурга до порта Ливинколя (Австралия) пробжало одаждам за 67 суток. «Плавучий барк» не выдерживал и немедленно терял преимущество в скорости, как только попадала в зону действия легких ветров.

Под советским флагом судно приобрело новое название и назначение. Ему дали имя первого русского мореплавателя вокруг света Ивана Феофановича Крузенштерна и поручили выполнение ответственной и благородной задачи — обучение молодых моряков, курсантов морских учебных заведений Министерства рыбного хозяйства СССР. На судне были установлены все необходимые средства навигации: радиотрансляция размещается в небольших кубриках, занимаются в оборудованных классах. В их распоряжении прекрасная библиотека, кинофильмы и телевизионные передачи. На судне организована инструментально-вокальная ансамбль «Парус», в котором, кроме членов экипажа, принимают участие курсанты и преподаватели мореходных училищ — руководители практики.

Эта кубрика внушительные размеры. Это кубик большое в мире плавающее парусное судно. Его водоизмещение — 5725 тонн, длина — 114,5 м, ширина — 14 м, высота борта — 8,5 м, осадка — 7 м. Четыре мачты несут 33 паруса общей площадью 3700 кв. м.

За годы плавания под советским флагом «Крузенштерн» совершил несколько походов в Атлантический океан с океанографическими экспедициями в штурмовых на бортах, побывав во многих портах Европы и Африки, повести гостеприимную Кубу. И вот сейчас он впервые принял участие в гонках парусных судов, хотя если разбираться, то для такого судна необходима большая океанский простор, а

Дождь

Шел дождь и перестал
И окочил поплавок.
Из «Школьного рыцаря».

Мы влезали в дождь, и вылезали,
и снова влезали в дождь.
Здесь шел моросей выхузом,
позвиз русской воюды.

Здесь русской позвиз солнце
припсулялово: в онео
дождь, дождь, дождь, дождь,
рвется, ломится, бьется.

Давно уже,
иногда,
От прошлого льня сира еще
зелта,

а от, снова лют,
Дождь,
льняши позавчера,
и посезавтра поллет.

Здесь первый геней отчества,
в осеннюю гляда аглу,
вымяды,
как тычется-мечется,

сиребесе
дождя по стеклу,
глядяи
как мучится-корчится
под ливнем
здешняя шель,
и думал:
когда он кончится?
Когда он выльется весь!

Шел дождь, и перестал, и
линьи пошел.
У оня
строка написана простая,
за нео — еще одна.
Он дождит отлично —
но и леть на шестидесяти
когда немнень самолично
под тем не псковским дождем.
Да, русской позвиз солнце
как следует и не понашь,
погда под дождь не просьнешься,
под тот же дождь
не заснешь.

Прощание

Уходящая молодость,
Медленным шагом уходящая
молодость,
выцветшим флагом
слабо машущая над седой головой.
Уходя,
она беспрерывно оглядывается:
что там делается!
И как у нее складывается!
Кто жоня!
Кто среди них уже полунохой!

Говорят, уходя — уходи.
В этом случае
уходя — не уйти будет самое лучшее.
Уходя — возвратится, вернется
назад.
Уходящая и шалы заедвающая,
уже кусты при дороге цепляющая,
уходящая молодость!
Вымерший сад!

Рисунки: Михаила ПАЙКОВА

не плавание по мелководной и испещренной минными фарватерами Балтике. Но мы привалили старт и дожались финиша не позднее чем через три суток и восемь часов.

Утро 15 июля было солнечным, но в 10 часов пошел сильный дождь. Приная вода в 04,00, а прежде всего омертвела. Впереди по курсу маячили бурные слалоты трех-четырех штук. Судя по обстановке и конфигурации волн, это были голландские суда. Справа и слева высматривались острые клыки стремительных хит. Нам заметило догонявшие абсолютн одинаковые фарватеры все было — Белл, Погоня и «Стулам». Чуть впереди них держался «Вальдегамм Пикс». Крупных парусников не было видно. Тихий попутный ветер, с которым мымо нас легко проносились хиты класса «Б», давал «Круэзинтеру» жалкую скорость 3—4 узла. Более менее способн работа паруса первой и третьей мачт. Последняя, бизань-мачта, не несла никаких парусов, так как их действие усугубило бы и без того несчастное положение судна.

Четыре часа вахты были томительными. Нам договали и обогнали хиты, но лишь за полчаса до смысли удалось изменить курс на крутой бакштаб левого галса, а нивыми словами, повернуть судно так, что заработало все паруса при сохранении ветра с легкой борозы. Скорость возросла до 9 узлов. А после полудня, когда парк вышел из-под береговой черты Борнхольма, искажавшей направление ветров, он получал умеренный, ровный вест и побужал к 3 узлам. Возле этого островка, который скорее можно назвать скалой и на котором с трудом умещался фундамент маяка, должно находиться контрольное судно и поворотный, специально выставленный буй. Оттуда пролетает последний курс регаты на польский буй «Хель». Тот учаск пути тнит в себе трудности для парусных судов, если ветер вдруг изменит направление и пойдет с юга или, что еще хуже, с юго-востока, как это случилось. Фундамент маяка, дождем. Но экипаж «Круэзинтера» не терпел надежды на успех: к началу вторых суток пути барк отставал от лидеров гонок «Товарищи», «Горка Фока» и «Горка Фокс» — 15 миль. Каждый из нас прикидывал время, когда

«Круэзинтеру» пересечет линию финиша... получалось, что не позднее чем через сутки мы можем поздравить друг друга с окончанием регаты. Один капитан нервно прожужжал по мостику и отмалчивался: метеокарты, полученные им, показывали, что острей Эландс-Седра Гундс падает под действие южного с Атлантики циклона и подпорающего с юга антициклона одновременно и говорить, какой там будет ветер через несколько часов, было трудно даже спецалисту-метеорологу.

И точно. На моей утренней вахте ветер шелел почти на зюйд-ост. Пришлось менять курс и ложиться на 90 градусов. Через два часа от слова, поменял смысл, отошел к зюльду. Случилось то, чего мы опасались больше всего: вход в Гданьский залив был закрыт для «Круэзинтера» зюльдо-остовым ветром. И пока я воевал с ним, стараясь держать судно курсом к ветру, около шести утра 16 июля финиширова «Товарищи».

Так, наши надежды на успех были практически сведены к нулю, и теперь оставалось одно — уложиться в отведенное на регату время. Мы должны успеть пройти финиш до 24,00 17 июля, иначе «Круэзинтеру» грозит дисквалификация.

Едва закончился завтрак, как по помещению судна прогремел звонок громкого боя. Парусный шкот «Чертылся» и немнень последние слова мы погуду, экипаж сбросил на верхнюю палубу.

Я глянул вверх, где над второй мачтой виселось «оолучичик» — динный конический флюгер, показывающий направление ветра. Наконечник поддува зюйд-вест! Должно пришлось его ждуть. И хотя был он совсем слабый, этот ждущий ветерок, все же его дуновение было достаточно, чтобы судно могло двигаться теперь прямо к финишу.

Палубная команда и курсанты брастовки рии — разорочивали их в горизонтальной плоскости — с искрываемой радостью. Где-то наверху у второй грот-мачты вала свист, и туда первым захватил курсант Мурманского высшего морского училища Чудинов. Мясечное плавание под парусами сделалю из этого затененного паренька очтаинного марсового. Смертность, быстрота, реакция, выносливость, выносливость — вот далеко не

полный перечень качеств, необходи-

мых каждому моряку, которые необходи-

мо привносят плавание под парусами. И даже в реке обычного судна по случаю штурмовой погоды никому не разрешается без особой надобности выхлзть на верхнюю палубу, то на паруснике необходимо не только выхлзть на мачту и шестьдесятметровую мачту, убирать и крепить самый верхний парус бом-брамсель.

Последние часы плавания были полны опасения, как бы ветер снова не поуда с зюйд-оста. А он то смелел, то замрала почти до штала, и «оолучичик» начинал болтаться над мачтой в такт качке судна, вызывая тревогу и озабоченность вахтенных. Каких-то советов не было услышано в тот день на палубе! Моряки и особенно механики, томась от безделья, услауживо предавали мистические снособы вилзюна жезлового ветра. Одни с мрачным юмором настаивали на том, чтобы вахтенный помощник повстал в заданном направлении, другие уверяли, что не мешало бы поскрести по тмачту, третьи с видом знатоков убеждали, что скребут те мачту, а комас...

Стрелки судовых часов отсчитывали необратимый бет времени, уже финишировал «Горк Фока» (финорит всех прошлых парусных регат начиная с 1960 года, победитель гонок 1960, 1962, 1968 годов, третий раз победил выиграл было уступит палубу первенства другому кораблю), а вот первым приззер прошлой регаты, польскому кораблю «Дар Поможя», в этот раз не повезло. Лишь третье место занял «Бима Фронтал» как с алговыми называють полнки это почетного возраста судно.

Было совсем темно, когда «Круэзинтер» прибыл к финишу. С береговой станции сообщали, что наш барк финиширует четвертым. Естественно, радости было мало, хотя для такого тяжелого судна, как «Круэзинтер», это неплохой результат. В условиях плавания по Балтийскому морю.

Поздн оставался «Вальдегамм Пикс», а замыкая группу дгачиния «Горк Студж». У этого маленького корабля была все шансы на успех, однако крутая волна на старте сбила его скорость, и легкий корабль зарывался в волну, и «Горк Студж» отстал сразу в начале гонок. Что было с ним потом,

легко догадаться, судя по мытарствам «Круэзинтера».

И вот наконец, поднимая белым парусом, выйдя с палубы борту финишный буй. Появились корреспонденты иностранной прессы и теледека. Вспыхнули мощные компактные лампы в руках осветителей, с тухлым жужжаньем заработали кинокамеры. 17 июля в 22 часа 50 минут «Круэзинтер» пересек финиш, и капитан Шнейдер перевел ручку машинного телеграфа на «слабый малый ход вперед». Впервые за трио суток судно вздрогнуло, и корпус мачт завибрировал от работы двигателя. Убирая паруса, «Круэзинтер» стал разворачиваться по направлению к ажорной стоянке.

За трио суток শেষ часов и пятнадцати минут судно прошло 416 миль, вместе 300 маршрутных. Средняя скорость его равнялась 5 узлам.

Где-то торжественно встречала улыбки регаты. Я не берусь рассказывать о всех мероприятиях, которые были предельно организационным комплексов парусного юмора. Были и встречи, и концерты, и визиты, и приемы: на соревнованиях в спортивном многоборье экипаж «Круэзинтера» занял второе место, а где-то очко отстал от «Горки Фоки». Значительно опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока». Судовой анкимвел «Парус во руководство таблатного матроса Александра Крижницкого парусного юмора и значительное опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока». Судовой анкимвел «Парус во руководство таблатного матроса Александра Крижницкого парусного юмора и значительное опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока». Судовой анкимвел «Парус во руководство таблатного матроса Александра Крижницкого парусного юмора и значительное опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока». Судовой анкимвел «Парус во руководство таблатного матроса Александра Крижницкого парусного юмора и значительное опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока».

А потом было вручение призов, и 21 июля состоялся парад парусных судов на рейде порта Гдыня, который принимали представители польского правителства, находившиеся на борту научно-исследовательского судна «Профессор Седельник». Никогда мы не приходилось видеть сразу такого количества парусных юмора и значительное опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока». Судовой анкимвел «Парус во руководство таблатного матроса Александра Крижницкого парусного юмора и значительное опередал коллективы «Товарищи» и «Горка Фока».

УВАРЬ ПАРУСА!

БОЛЬШАЯ ПРИБОРКА.

НА ВСТРЕЧУ С СОВЕТСКИМИ ПАРУСНИКАМИ.

ВЕЧЕР В ГАВАНИ.

ПЕРВЫЙ ПРИЗ У СОВЕТСКИХ КУРСАНТОВ.

мо, как они при этом ухитрились не сталкиваться между собой.

Как самому крупному паруснику, «Крузенштерну» была оказана честь открыть парад парусных судов. В 12 часов 21 июля на судне были поставлены все паруса, трети помидила капитана Виктора Гераскина подвела ракетницу, раздался гулкий хлопок, и над залпом взвилась белая ракета. Перестроение судов произошло на ходу. Следом за ними быстро ставя паруса, шел победитель регаты «Товарищ», Сохраня заданную дистанцию под всеми парусами шлюпки в порядке завоеванных призов — «Горь Фокс», «Дар Помоща», «Вильгельм Пик», «Георг Сейдц», споро-

вождаемые десятками быстрокрыльми яхт и шхун.

22 июля «Крузенштерн» и «Дар Поможка» вышли из Гамни в Портсмут, куда нас пригласили Ассоциация учебных парусных судов и организаторы Атлантической регаты.

В Портсмуте стали известны официальные данные СТА о результатах обменных регат, откорректированные с учетом гандикапа.

В Балтийской регате абсолютным чемпионом как по классу «А», так и в целом по гонок стал советский барк «Товарищ»; его время прохождения маршрута — 1 сутки 4 часа 43 минут 20 секунд. Это большой успех советских моряков-парусников на

международной спортивной арене. Но здесь ошеломило ту же училпалать и иной резонанс, который был вызван неоспоримой победой «Товарища», ведь победа прочилась другому кораблю, западнотермскому барку «Горьку Фоку», Несмотря на штрафное время, наложенное на «Товарища» за неправильный старт, при равенстве поправки гандикапа (оба корабля одолжили) «Горь Фоку» отстал ровно на 10 часов и стал вторым призером. Третьим был «Дар Поможка», четвертым — «Крузенштерн» со временем 2 сутки 07 часов 01 минута 06 секунд. Шесть судов из второго отряда класса «А» вынуждены были вернуться в Копенгаген по разным причинам.

4 августа после парада парусных судов в проливе Ист Солент «Крузенштерн» взял курс на Сен-Мало, небольшой французский порт Бретани, лежащий в глубине одноименного залива. Помимо представителей французского телевидения, у нас на борту находились 20 иностранных кадетов с разных учебных парусных судов — участников гонок — англичане, французы, голландцы, немцы. Во время перехода старший преподаватель Мурманского высшего инженерного морского училища капитан дальнего плавания Анатолий Сергеевич Чесиков прочел на несколько лекций об устройстве «Крузенштерна», и на следующий день они плечом к плечу с на-

шими курсантами работами на реях, убирая паруса.

В дни регаты «Операция «Парус-74» Сен-Мало был заполнен парусниками, пришедшими на заключительный этап сбора. Здесь должен был вручаться один из главных призов — серебряная модель знаменитого английского кашпера «Катти Сарк».

Решение о том, кто из участников регаты оказался наиболее достойным награждения этим почетным призом, принималось по результатам тайного голосования, в котором участвовали капитаны парусников, прибывших в Сен-Мало. Большинство голосов «Катти Сарк» была присуждена «Крузенштерну».

Дорогая редакция! Мне очень хочется рассказать о мальчишке из нашего класса. Я учусь в классе восьмой год. В младших классах он был ниже среднего ростом (да он и сейчас — маленький и щуплый), и я не замечала четыре года его присутствия в классе. Он был незаметным, хотя и учился не хуже других. На уроках сидел тихо, никому не мешал, но задрался ни к девочке, ни к мальчишке, потому что знал, что ему каждый день сда...

Может быть, так бы и было до сегодняшнего дня, но он сваялся с мальчишками, которые были старше его на два года. Они были смелисты и сильными и слыхав моего одноклассника, потому что могли запросто набраться учителями или уйти с уроков. И вот поведение мальчишки изменилось. Он уже не был в классе незаметным. Он почувствовал, что, если его обидят, друзья заступятся за него. Мальчишка стал «смелее» — не учил уроков, грубил учителям, явля на каждом шагу всем, если нужно было выпутаться из какой-нибудь истории. Скоро ему перестали верить в учителя, и девочки из нашего класса, а даже его родители.

друзья. Но сейчас наш класс разделился на два лагеря: мальчишек и девочек.

Если можете, пожалуйста, пожалуйста, мы писем. Мне очень хочется, чтобы в нашем классе было не так неприятно учиться.

Ольга С.

Милая Ольга! Мне понравился твое письмо — оно подробное, а подробность всегда нужна вещь. Вылезай сам пишешь плохо разберется в произошедшем, но подробность и в этом случае поможет донести до сути.

Вот что пишешь, что твой одноклассник Кость был щуплый, тихий и никому не мешал, что ты вообще четыре года не замечала его присутствия в классе. А потом у него появились очкастые приятели и он расправил на их силу, он перестал быть «незаметной личностью». Равные он боялся одноклассников — теперь они боятся его. И с ребятами Костя больше не считается.

Если коротко, всю эту историю ты понимаешь так: раньше все было неплохо, а теперь стало крайне «неприятно».

Что ж, все правильно — с твоей точки зрения так оно и есть.

Но давайте посмотрим на ту же историю с точки зрения Кости. Вот он, щуплый и тихий, ребята боятся, а девочки его вообще не замечают. Ты пишешь, что дружба в вашем классе была не слишком большой, но Костя даже такой средней дружбы не доставал — никому он был не нужен и не интересен, и тебе в том числе.

Хорошо это было? Да чего уж тут хорошему человеку слеза ходить в незаметных?

Словом, Кость жил тогда так же, как тебе сейчас, то есть довольно неплохо и приятно. Покавал, он даже молодец, что стал с таким трудным существованием бороться.

Результаты этой борьбы, с твоей точки зрения, печальны. А с Костиной — нет.

Равные у него не было друзей — теперь появились. Может, и не очень хорошие, но все лучше, чем вообще никого. Мальчишки теперь с ним считаются, даже описываются.

Да и ты им, как видишь, заинтересовалась. Вот и в редакцию выписалась. Если прежде он был незаметен даже в собственном классе, то сейчас с твоей помощью приобретает всеобщую известность.

Конечно, плохо, что он курит. Еще хуже, что вреден. Совсем нехорошо, что дерется, да еще комариной против одного.

Но подумай как следует: разве он один из тех ребят, которых не жалеют?

Сейчас я пишу не Косте, а тебе, потому и обвинять в случившемся хочу тебе. Тебя и твоих равнодушных одноклассников.

Вот и рядом с вами щуплый мальчишка, жилось ему умнью, а вам было все равно. Лишь бы никому не мешал!

Вот и расщепляется теперь за свое равнодушие. Ведь когда с человеком никто не дружит, когда его никто не любит — такая личность потенциально опасна для окружающих.

Ты пишешь, что не хочешь замечать добром — оставляю силой! Ты, Ольга, прошись совета: что тебе делать?

Думаю, то, что следовало сделать гораздо раньше: внимательно и дружелюбно присмотреться к живущему рядом человеку. Ведь есть у него — да и прежде были! — все-таки неплохие качества. Не драк, не трус — уже кое-что. К тому же, как выяснилось, умелый организатор: сумел же организовать свою хоть плохую же компанию.

Конечно, сейчас общаться с Костей нелегко, потому парень изряд-

но обольбился. Но давай будем справедливы: причин для такого озлобления достаточно, и ты сама виновата в своем озлоблении.

Несколько раз высокомерно и даже презрительно ты повторила, что он маленький и щуплый. А ведь ни рост, ни комплекция Кости тебе ни в чем сейчас не мешали. Как ты думаешь: приятно быть маленьким и незаметным, особенно когда высокие и «броские» тебе постоянно об этом напоминают, не словом, так взглядом? Тебе бы хотелось озадачить на его месте?

Кстати, и терпеливый конфликт в классе ты хочешь разрешить очень неосторожно: так, чтобы хорошо и спокойно стало тебе? А ты подходи к делу с другого конца: как примудрить, чтобы хорошо стало ему?

Самое главное, постарайся понять, в чем он сейчас несчастлив. Почему я думаю, что несчастлив? Да потому, что счастливые ребята в драчуньи и хулиганы не идут. Неважно.

Словом, вот тебе мой практический совет, помоги ему стать счастливым.

Ты, наверное, спросишь: а как это сделать? Но, во-первых, на такой вопрос коротко не ответишь. А во-вторых, и не хочешь решать эту задачу за тебя. Не хочу тебе обкрадывать. Ведь, помогая стать счастливым другому, человек становится счастливым сам.

А вообще, Ольга, будь внимательнее к людям, которые живут рядом с тобой. Замечай их вовремя! И если заметишь их судьбой, когда им плохо, а не тогда, когда плохо становится тебе.

Вот, Ольга, пожалуй, и все, о чем я хотел с тобой поговорить.

А с Костей у нас разговор будет другой.

Здравствуй, Костя!

Видишь, как оно иногда в жизни получается: ты мне не писал, а получаешь от меня ответ. Но ведь письма тебе не приходило.

Вот я и решил поговорить с тобой самым без помощи посторонних.

Может, ждешь, что стану тебе писать, гадать, всякими неприятностями тебе удаваться? Нет, делай этого я и не стану. Но не потому, что твое поведение мне нравится, — чего нет, того нет. Просто думаю, что тебе уже и ругали, и пугали, и угрожали. Зачем же повторяться? А главное, разговорать про твою сегодняшнюю жизнь мне неинтересно.

Равные хотел доказать, что не глупый и не трусливый друг. Понимаю и сочувствую. Но ведь уже доказал — не лучшим способом, но доказал. Так что дальше курить, драться и врать смысла нет. А из смысла — нет и интереса. Самому скоро станет скучно жить, если уже не стою.

Равные слушай поговорим о твоём прошлом и будущем.

Судя по Одному письму, с помощью удалой компании ты как бы стал смелой силой в классе личности. И вот думаю: а почему именно ты?

Знаешь, почему? Потому что прежде был самым слабым.

Тут все довольно просто. Физически одному парню дружки на спичной ни к чему: он достаточно защищен собственными мускулами.

А слабому приходится что-то изобрести — куда долезать?

Вообще слабость — большая сила! Я, например, уверен, что впервые оборонился от зверя дубиной (то есть увидев в ней оружие) слабый пачкачурой. Сильному и кулаков хватало.

И سابقа, наверное, придумал слабый волю: при хилых мидках с дубиной ему бы никогда не одолеть врага...

Почему же тогда человек во много

ПОМОГИТЕ МНЕ СЧАСТЛИВ

ДВА ОТВЕТА НА ОДНО ПИСЬМО

Каких только писем не приносит редакционная почта... В общих чертах рассказывают о своих трудовых успехах, о друзьях критикуют недостатки, в третьих касаются серьезных бытовых проблем...

Письмо школьницы Ольги С., которое мы публикуем сегодня, привлекло наше внимание потому, что в нем описана необычная и весьма тревожная конфликтная ситуация, сложившаяся в классном коллективе. Мы попросили писателя Леонида Жуховицкого ответить автору. Но содержащаяся в письме особенность побудила его написать ответ не только Ольге, но и ее однокласснику, о котором преимущественно она пишет.

Если у вас, читатель, возникнет желание поговорить с ребятами по душам, помогите им советом, мы сможем осветить это на страницах нашего журнала.

Но в кругу мальчишек, но я знаю почему, это алгоритм возрос. Он стал залповым, но не деланным. Но так получилось не сразу. Сначала у него появились новые друзья, которые на год-два были моложе его, но их было очень много — около 10 человек. И теперь со всеми своими «варагами» он стал рассчитывать с помощью этой компании. Мальчишка начал курить. И если сначала они с приятелем из-за курения опаздывали на уроки только вдвоем, то теперь к ним присоединялись еще двое, один из которых когда-то считался хорошим мальчишкой. Теперь все троє выгораживают своего друга (его зовут Костей, этого когда-то незаметного), выгораживают, хотя, наверное, в душе кто-то из них сознает, что он поступает неправильно.

Мальчишки из нашего класса называют его Костаном. Может быть, они не замечают, что, называя его так, они унижают перед ним и льстят ему? Плохо теперь живется у нас тому, кто предпринимает классного руководителя о том, что эта компания занимается нового человека или собирается избить кого-то. Если не поступают немедленно, то мальчишки из нашего класса называют его Костаном. Может быть, они не замечают, что, называя его так, они унижают перед ним и льстят ему? Плохо теперь живется у нас тому, кто предпринимает классного руководителя о том, что эта компания занимается нового человека или собирается избить кого-то. Если не поступают немедленно, то мальчишки из нашего класса называют его Костаном.

Может быть, они не замечают, что, называя его так, они унижают перед ним и льстят ему? Плохо теперь живется у нас тому, кто предпринимает классного руководителя о том, что эта компания занимается нового человека или собирается избить кого-то. Если не поступают немедленно, то мальчишки из нашего класса называют его Костаном. Может быть, они не замечают, что, называя его так, они унижают перед ним и льстят ему? Плохо теперь живется у нас тому, кто предпринимает классного руководителя о том, что эта компания занимается нового человека или собирается избить кого-то. Если не поступают немедленно, то мальчишки из нашего класса называют его Костаном.

Дорогая редакция! Я очень прошу вас, помогите нашим мальчишкам разобраться во всем.

Наш класс никогда не был очень хорошим, и сейчас тоже. Но очень хорошая дисциплина, не очень хорошая учеба, но очень большая

раз могутственные своей близкой родственницы горляды! Да потому, что горляда во много раз сильнее. Она, говорят, при случае может задушить леопарда.

А человеку, чтобы уберечь себя от того же леопарда, пришлось выматывать рудник и шахты, выстроить доменную печь, придумать порох, изобрести токарный и фрезерный станок, сделать ружье и клетку. Теперь, как ты знаешь, отношения человека и леопарда повернулись совсем неожиданным образом: правительство африканской страны устояло на жесткие строгие законы, чтобы спасти грозного хищника от хлиного дурацкого государства.

И слабому угрожает большая опасность: рано или поздно он может стать сильным. А став сильным, может раскусить так: зачем дальше уметь, зачем придумывать еще что? И так годится.

Как ты думаешь, долго тебе будет служить твой теверенщина и жу? Год два, ну, три — ведь не долгов же! А так опять станешь слабым, и уж это, есть такой риск, на целую твою жизнь.

В институт, например, куда-либо не пробьешься. Если даже об свои компании, и старшую и младшую, приведешь на выступительные экзамены — не помогут.

Пойдешь на завод, и там то же самое. Девочка, окончившая курсы красавиц, легко вернется такими махинами, которые тебе, ни одному, ни с компанией, вовсе не под силу. Сейчас время для неуверенного. Знание — сила! А нет знаний... Врать учителю — это, конечно, заманчиво, и при должной спорности не так уж и трудно. Но ведь в конечном счете обманешь самого себя.

Вот ты остановился на минутку и задумаешься: кем бы ты хотел а жизни стать? А подумав, честно ответь себе: кем бы ни хотел, скорее асего не получишь. Почему? Да потому, что слепая правда рассекать тебя на драчную компанию. А компания — что компания! Конечно, на школьной перемене или на улице вечером заучит. Ну, и в работе — там сразу видно, чего стоишь именно ты...

Но если быть сильным рисковать, то быть сильным и злым рисковать вдвойне. Твоя аноклассница пишет, что ребята в классе тебе боится. А когда человека боится, правда а жизни и о себе ему не услышать. Такому говорят не то, что есть на самом деле, а то, что ему приятно слышать. И часто человек, выходящий страд, попадает в а бедную потому, что окружающие не решаются вовремя предупредить его о напастях...вдруг ему не понравится...

И еще об одном не мешает подумать. Вот раньше, вероятно, сильные ребята приносили тебе. Теперь ты став сильным и притесняешь других. А жили в классе лучше не стала. Жили средние и сейчас живете так себе. Может, стоит попробовать по-другому? чтобы никто никогда не притеснял?

Если не возражаешь, могут дать тебе один совет. Постарайся опять почувствовать себя слабым. Зачем? Чтобы опять обрести силу, только теперь замышляю. Ведь с мизинцами силачими жизни порой обходится жестоко: она делает их сперва «левыми и невольными» (знаешь ли, что такое слово?), потом просто озабоченными неудачниками. А ты ставь другим! Мало знаешь — учишь. Отстал от ребят — догоняй. Конечно, для этого нужно время. Нужно и время. Возможно, на драчную компанию его не будет хватать. Но тогда, пожалуй, и драться не повальщется. Ведь знаешь, умный человек легко доказывает свою правоту словом. Это дураку, кроме кулака, надеяться не на что...

Но ты-то не дурак!

Игорь ЖДАНОВ

Песенка менистреля

И снова...
Снова на виду
Бойцы и звонниц
Бреду, как лошадь в поводу,
Пути бесконич,
Бреду шагаешь,
Все выше в сам не свой,
Бреду,
мотаю головой:
Снимаю шоры!
Тра-та-та-та,
Тра-та-та-та —
Трубит охота,
И снова делают шути
Из Дон-Кихота.
Я старый истин не сберег,
Забил обет —
Но от людей отрезан бог —
Мурлы позы!
Шессе...

И снова, как во сне,
Скелеты звонниц,—
Взбиваю пыль,
трамбую снег
Путем бесконич...

Леонид ВЬЮННИК

Я штыковой лопатой землю ранил...
Сочас...
по склону кровя ее текла.
Она была прозрачна а светла,
Как сок березы молодой а ранней.
Пройдут года.
Я пожалел страшно,
Что так бесцеремонно а сплеча
Я ранил землю...
Медленно, протяжно
По склону кровя ее текла,
сочас...
Пройдут года,
И вот на эту землю
я упаду в густые зеленя...
Она в себя возьмет меня,
примемля,
Чтоб через сотню лет родить меня...

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Как просто все:
Узнается путь,
На веющем ветре
потемнеют сруби
И маргосские пядини а берега
Возьмет свои источенные зубы.
И будет все, как раньше,
Как всегда:
Отчетливые покое а простора,
Неспешный год привычного труда,
Свободного от славм а позора...
Моя любовь
себя не сберегла:
В ней было недоказанное что-то.
Я как убил ее
из-за угла...
Добротная,
топорная работа!

Слуцнен парус
И уронено весло,—
Значит, мне с тобой
опять не повезло.
Значит, вновь не повезло...
Какой пустяк!
Ты представь,
Что ты не дома, а в гостях.
Ты представь,
Что а чужой,
и другим выплывают имена
Корабельными обломками со дна.
Да, как шквальным
бесплатное кино...
Было счастье нам
бесплатное кино...
Но белоба оползает а мурлина,
Словно кожа а обгорелого плеча.
Злая прихоть:
В море текло,
и на суше ни дуем,
Этой сухой а ничуть не дорожию...
Вот а душу,
словно голову, сложим.

Но белоба оползает а мурлина,
Словно кожа а обгорелого плеча.
Злая прихоть:
В море текло,
и на суше ни дуем,
Этой сухой а ничуть не дорожию...
Вот а душу,
словно голову, сложим.

Виктор ШИРОКОВ

Со словом проносятся конный,
и пеший со словом идет...
Законно, законно, законно,
законно стреленые вперед!

Пусть под ног падает новый
рассвет, как шиповника цвет.
Какой же, какой а который
на этой земле а поз!

Ничто не выходит из мерю,
и а значено в тоске:
стак — словно галочка метки
на влажном прибрежном песке.

Накажит волна а забудет,
исполняя свещенный обряд,
Забудет, забудет, забудет,
забудет прочь адресат!

Но чувства не гинут злые,
и с тою же болью а виске
другой — все, как я же, впервые —
начнет все на том же песке.

Медичка

Девочка, девочка
семедадит лет,
вырастали волосы
в модный цвет.

Издали трудно
рассмотреть лицо.
Спортивная сумка
через плечо.

В студене а доконства,
студенческая билет,
томик Шекспира
а пачка сигарет.

Что ты повторешь
не вслух — про себя!
Новая Офелия,
вечная судьба!

Галлет твой, где он,
прекрасный принц!
Томе учится
держат шприн!

Ах ты, медичка,
самый первый курс!
Жизнь, как паразитство,
пробуешь на вкус.

Костер сигаретни
не гаснет на ветру.
О чем же ты думала
сегодня поутру!

О мальчишке фасонных,
брюки кнешь,
с которыми вечером
а кино пойдешь!

Об умном старшукренике
а роговых очках —
лишь тубы отражаются
в его зрачках!

О будущей профессии...
С тревогой а тоской —
о новой Хирсине
а подлости людской!

Спортивная сумка
через плечо,
Зачесть иснее
рассмотреть лицо.

РАШЕНЫИ ВІДЦІМКА

то иллюзии. С двойниками, потайными дверцами, секретными ящиками, внезапными вспышками огня и даже мильными пугарями, падающими из-под купола эдакими цветными воздушными шариками.

Но это и современная техника. С магнитофонами, системой телеуправления и даже вполне внушительным пультом с тумблерами и индикаторными лампочками, с пультом управления, достойным занимать место где-нибудь в лабораториях научного института или в цехе завода.

Речь идет об иллюзионном аттракционе Отара Ратмани «Человек-невидимка».

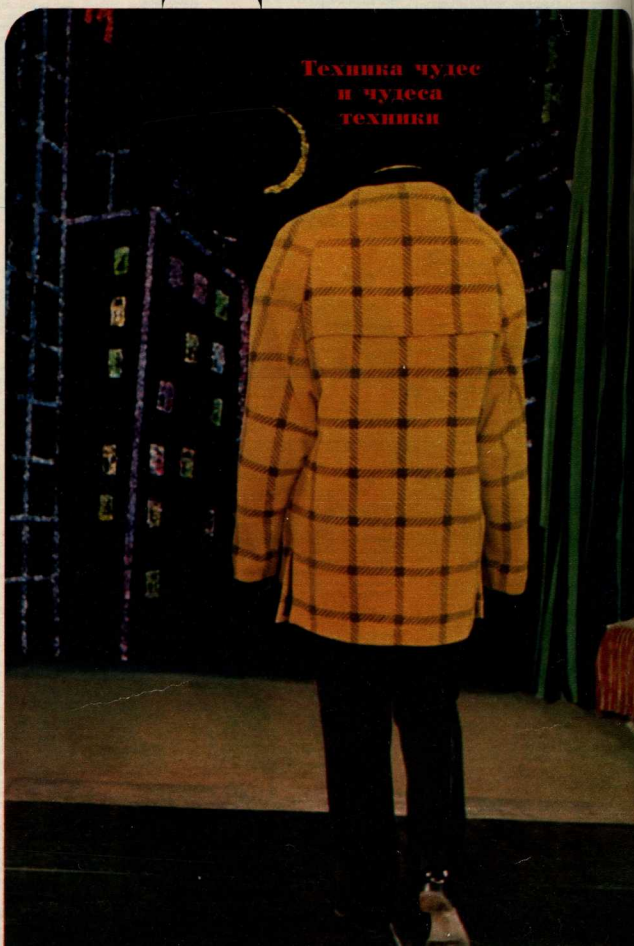
Пожалуй, впервые фокусник-иллюзионист появился в литературе еще в шестнадцатом веке: Теофиль Флелетто из Мантуй представил его читателям под именем Бонкала де Бергамоска в своей поэме «Макаронада». А спустя три столетия Герберт Уэлс в неунырающем романе «Человек-невидимка» подарил нам — не знаю, впрочем, о том! — готовый аттракцион с героем-исполнителем и целым набором трюков, многократно использованный мировым кинематографом.

Но одно дело — кино, к чудесам которого мы давно привыкли, даже удивляться перестали: все кино все возможно. А другое дело, когда чудеса эти происходят прямо перед тобой на тринадцатиметровом круге арены, освещенном прожекторами так ярко, что никакой тайны не скрыть, не спрятать.

Конечно же, иллюзионное искусство условно, и никому никогда даже в голову не придет усмотреть в нем действительно чудо. Нет, кино иллюзиона придуман и выстроен — на полчаса или час, но мы с радостью живем в этом придуманном мире полчаса или час, не думая о том, как, из каких кирпичиков сложены загадочный мир фокуса. Да и стоит ли превращаться в чудачка-всезнайку из классического рассказа, который доподлинно знал про фокусника: все предметы он достает из рукава. Скучно! Тогда и в цирк ходить не стоит. Лучше уж в окно посмотреть: никак-то там тебе загадок...

Собственно, в аттракционе Отара Ратмани тоже нет никаких особых загадок. Уэлсовская идея [подчеркиваю: только ИДЕЯ!] вложена здесь в не очень затейливый сюжет о дуге любопытных клоунов, во что бы то ни стало желающих высунуть: а как же этот Ратмани исчезает на глазах у почтеннейшей публики! Клоуны ищут не обманом, а техничским знавками и охотно принимают условия игры, предложенной автором: невидимка и впрямь невидим. Вот он — изобретатель! — гуляет по цветному пластику пола, отодвигает стул, садится, листает альбом на столе, говорит по телефону, кокетливо покачивается в воздухе красной телефонной трубочкой, ставит автографы на программках, словом, ясно доказывает свое присутствие на манеже. И клоуны верят. Да и как не поверить, если он исчезает вполне обстоятельно и

Техника чудес
и чудеса
техники

историплюви, совсем не обставая свое исчезновение всяким световым и звуковым эффектами. Невидимки и — точка, и сброшенная на пол одежда лишь подчеркивает это феноменальное и довольно приятное [то уж не по Уэлсу...] свойство.

Клоуны, повторю, — дурачки: это предусмотрено сценарием. Но мы-то, мы почему верим в невидимку! Да потому, что Ратман умело и убедительно выстроил для нас чудесный мир иллюзиона, и мы охотно и с радостью поспешили в нем на эти волшебные полчаса. А это потому, когда он пройдет, можно и поломать голо-

ву: а, собственно, как не он действует, невидимый!

Иллюзионное искусство существует [что подтверждено документально] по крайней мере с 2900 года до нашей эры. Именно к этому времени относятся древнеегипетский папирус Вестарк, в котором упоминается о выступлении фокусника Диеди из Сиофуру перед великим фараоном Хесосом. Описаны там и трюки, приводящие к изумлению искусного и зрелых фараона. С тех самых пор в Азии и Африке, в Европе и Америке манিপультеры, чародейчики, иллюзионисты, маги и фаюеры, трансформа-

торы и имметотехники забавляли, восхищали, дуррачили зрителей. Шло время, и из века в век переходили иллюзионные трюки, выполнившиеся еще если и не самыми Диеди из Сиофуру, то, во всяком случае, его ближними преемниками. Менялась эпоха, менялась оформление трюка, способ его подачи, но смысл его оставался тем же. Впрочем, надо не упрекать иллюзионистов в подражательстве или — уэлсу бонне! — в плагиате, если вот уже почти пятьдесят столетий все старье [а может, и вечнее!] трюки вызывают неизменный восторг! А восторг этот появляется лишь то-

гда, когда зритель в ритм в мир, придуманный артистом. То есть в том случае, если он и вправду артист.

Но истинный артист не может не существовать вне времени, вне своего века. Каких толков названий не придумывали для века двадцатого! И век спутников. И атомный век! И десяти дружок. Но, заглянув, все эти названия, все времена, все эпохи, динкует научно-техническая революция, не оставшая в стороне ни одной области человеческой деятельности. В данном случае мы говорим о цирке.

Аттракцион Отара Ратман — технический. Есть, конечно, и нем и привычные — вечные! — иллюзионные трюки с двойниками или отрезанными головами, но не они суть аттракцион. А суть его — как раз тот самый путь телеуправления, с которого оператор и руководит всеми действиями невидимки. Зритель, очевидно ставновоящийся в быту со всяким техническим изобретением, недолго помахивает головой над тем, как сама поднимается телефонная трубка или как перелистываются страницы книги. Зритель не удивится САММИ трюком, его технической сути. В конце концов зритель не любит, не хочет оставаться «в дураках», и то, что он понимает [или почти понимает] секреты иллюзиониста, становится прекрасным дополнением к приятному впечатлению от удачно сыгранного пьесы. Пьесы, придуманной Отаром Ратман более семи лет назад и постоянно обновляемой им. Иначе и быть не может: наука и техника подказывают новые возможности для маленького циркового спектакля при турых клоунах и невандимом человека.

А возможности действительно много. Участник аттракциона и ближайший помощник его автора Владимир Красильников, по специальности — артист, мечтает о радиотелеуправлении трюком. Задача технически не слишком сложная, а ее решение может увеличить [да и улучшить] диапазон действий человека-невидимки. Да что радиотелеуправления, телевидение открывает сегодня для старого иллюзионного жанра такое поле деятельности, какого пока не имеет ни один цирковой жанр.

Мы согласимся с аксиомой: зритель должен верить в мир, придуманный иллюзионистом. Но во что легче поверить современному человеку: в клубушу на курьих ножках, и примеру, или в «летающую тарелочку»? Ответ однозначен: «тарелочка» предпочтительней. И даже в аттракционе самого Ратман зрительское доверие вызывает не чудо-самолет, из которого торчит голова пернуптанного клоуна, а все вполне достоверная техника пьесы, впервые использованная на цирковой арене. А самолет — из другой пьесы. Из давним-давно сыгранной. И не надо бы путать их...

Отар Ратман сам прекрасно понимает это и, понадеявшись, ищет новые трюки, находит их в подробностях разрабатывает. [Недаром в аттракционе существуют штатные должности инженера-конструктора и техника-оператора — это в цирке-то, с его вековыми «непомощностями традициями!» Сколько времени понадобится ему, чтобы придуманная им пьеса стала полностью современной — без следов на почти пятидесятилетней истории жанра! Отар Ратман сам отвечает на этот вопрос: два года.

Два года — срок серьезный: и для цирка и для техники. А иллюзионный аттракцион Отара Ратман — это, во вторую, и цирк и современная техника. Сочетание пока не частое, но своевременное и перспективное. Доказательством тому — «Человек невидимка».

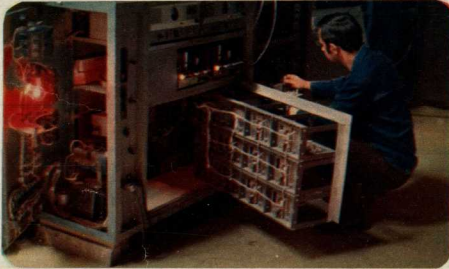

Сергей АБРАМОВ,
Сергей АНИСИМОВ (фото)

▼ ВОТ ОН — ЧЕЛОВЕК НЕВИДИМКА.

▲ АВТОГРАФ ГЕРОЯ ПЬЕСЫ.

► ТЕХНИКА НА СЛУЖБЕ ИЛЛЮЗИИ.

Глава первая,

рассказанная Виталием Кругликовым, начальником акустической лаборатории

Никогда не вру — это один из моих главных принципов. Жить с принципами, по-моему, куда легче, чем без принципов. Они придают жизни четкий ритм, или, как говорит моя жена, пульс, что очень важно в нашем перегруженном информационной миром.

Помогает точно держать ритм по отношению к окружающему миру и устойчивость при любых житейских бурях и штормах. Из у меня много, жизнь постоянно обновляет и совершенствует их. Изобретение принципов — мое hobby.

Чтобы поговорить со вступительным словом, скажу еще о себе. Я люблю свою работу, то есть консультирую в звуковой аппаратуре, извлекать из нее различные комбинации звуков. Люблю свою семью: жену Ирину и сына Александра. Люблю вкусно поесть, побольше и пожирнее — это мое бытие, промодация блуда, вроде бифитекса из натурального под яйдом с жареным картофелем или филе под соусом с грибами, а на ужин — горку блинчиков с толченым маслом или тарелочка тричере с адылдой со сметаной и смородиновым вареньем. Люблю почитать на сон грядущий какой-нибудь детективный или просто пикантный роман в теплом кресле или размышлять о космосе. Мой вес при росте сто пятьдесят восемь сантиметров составляет сто двадцать пять килограммов — представляете, какой я! В поперечнике я почти такой же, как и в высоту, и это, по мнению моей жены, самый главный мой недостаток. От себя добавлю и единственный, потому что других просто-напросто нет.

Итак, начну сначала. Мы встречали Новый год. Собирались у нас, в нашей просторной квартире. Пришло человек десять: мои товарищи по работе, звуконки, и подруги Ирины, впрочем, со своими мужьями. Все было, как всегда, хорошо: сытно и вкусно, э-э, то есть весело и интересно. Народ бывалый, остроумный, подзажвык. Я почти не пил (принцип: береги нейроны!), нажимал в основном на холодце, индейку, шпритс с чермушкой, блинчики с маслом (великое изобретение человечества!). А в промежутках программировал систему мультителефонной связи, из у меня великое множество: от Ленинка и Шаляпина до поп-музыки и песен Высоцкого. У каждого свой «звучиток», как говорят жены; у меня «звучиток» — принцип и магнитофон, у жены — турнокоробка. На этих двух основал всякий наш коллективный «звучиток» — записывал на пленку все, что происходит в нами в походе: мое сонение и возвращение, ибо было все-то в жизни и я не люблю турнокоробки, и блаженнейший от счастья голос жены, ее бодрничские выкрики, командам, ах-о-и, треск костра и виеги гни.

И вот один из этих пленок подвернулся под руку. Я сразу понял, что это такое, и хотел снять, но Ирина резко кинулась к магнитофону и влохнула воспроизведения. «Вот! — закричала она, — послушайте! Поет сама природа!» Конечно, ничего особенного там не было: стук дятла, посыпывание птиц, разговоры с бурятами, бурятские песни, похоже на нетерпеливые разговоры вславу, ржание лошадей, рев переката. На второй дорожке та же самая канитель: тягучие рассказы охотника, ночная тишина и — в течение пятнадцати минут — странный мелодичный звук, непонимавший гуаение проводов, но более многозвучный и объемный. Попал он к нам на пленку случайно, как бы сам собой — ночью, засыпая, мы забыли выключить магнитофон. Еще там, в долине, за Икитским хребтом, где мы стоим, эта запись вызвала у меня страшно неприятное ощущение: будто я сижу в клетке, а кто-то невнядким драгизм меня, злит, стараясь, чтобы я зарычал и заметался от ярости. Еще тогда я хотел стереть его ко всем чертям, но Ирина горько воспротивилась, сказала, что этот звук что-то пробуждает в ней — то ан мысли, то ан чувства. Во мне же, кроме зубовой ломоты да этой странной злобы, он ничего не вызывал.

На гостей запись произвела тоже весьма страшное действие: все притихло, наступилась, перестали пить и есть и вскоре торопово, один за другим разошлись по домам. Лишь мой добрый друг и сотрудник Янис Клаускис, командированный из Ленинка, где работает Ирина, задержался домыне других. Янис неподвижно сидел за столом, как манекен, вытянув тонкую шею и заглядывая в блудо со складками широжима. Зоя стояла в прихожей, уже одетая, ждала своего кавалера и разговаривала с Ириной. Янис не замечал, что остался один и что его жадт. Я потяг его за плечо — он вздрогнул, бледное лицо его перекосилось, словно он схватился за фазу двести. Давидать возмуть увиден меня, он отпрянул и вместе со стулом повалился навзничь. Я протянул к нему руку, намереваясь помочь ему подняться — он отпрянул еще дальше и, вдруг опомнившись, голузо рассмеелся и, брызгая слюной, сел на полку.

— Ты что, Янис! — со страхом прошептал я. — Что с тобой?

Он помолчал расслабленной рукой и приказал пацки к губам.

— Тос... Молок, а то Зоя начнет летить. — Он хихикал и поминал меня. — Послушай, Вит — где ты записал это?

Большие серые глаза его прыгали с предмета на предмет и не могли остановиться. Я протянул ему пирожок с повидлом и съел себе. Потому что у меня принцип: разволновался — чего-нибудь

съешь. Я съел пять пирожков, пока Янис мусолил один. Действительно, мы оба успокоились, и я думаю, что он забыл про звук, но Янис, проглотив последний кусочек, снова спросил:

— Послушай, Витя, где ты записал этот звук? Я понял, что он не останет, и сказал, что звук был записан на стонике в высокогорной долине северных отрогов Икитского хребта, тянущегося вдоль восточного побережья Байкала. Он попросил карту, и когда Ирина, сразу так и загоревшаяся идеей нового турнокороба, принесла мне исчерпанную десятикилометровку, я показал примерное место, где мы тогда стояли. При этом Ирина поправила меня и карандашом поставила точку на полмильметра отстоящую от той, которую я внес я. Я тут же согласился с ней, потому что у меня принцип: жена всегда права. Янис долго всматривался в густо-коричневые пятнышки, из которых слагалась на карте хребет: в сине извистые линии рек и светлые поалски долины вдоль них, а мне казалось, что он уснул и спит себе с открытыми глазами, а мы, как мушкетеры, стоим вокруг него и, стараясь перекинуть друг друга, доказываем на все лады, как там было плохо (это я) и как там было великолепно (Ирина). Но вот он отложил карту и сказал, живнув на магнитофон:

— Заварите, возмуд до завтра.

— Не знаю почему, но мне очень хотелось, чтобы он взял эту пленку, Ирина же вдруг заупрямилась, стала говорить, что пленка утеряна, что отдавать ее преступление, — только переписать. Мне не показалось, что она, и я, и беляга Клаускис, и тидях, застеснивая Зоя — все в ту ночь были малость не в себе, чуть-чуть с приветом. Обычно я не торопился высказывать свое мнение, будь то хоть самый большой начальник или даже жена: я считал, что так легче оставаться принципиальным. Но на этот раз словно какой-то бес вселился в меня: я молча взял магнитофон, завернул его в новый яреп пелла, и подал Янису. Ирина, победив, закусила губы, но спориться со мной не стала, не знаю уж, из каких соображений. Янис жадно схватил магнитофон, быстро оделся и юркнул в дверь перед расстрелянной обескураженной и завалился спать. Ирина со мной не разговаривала, поэтому я тотчас уснул.

На рассвете меня разбудила телефонный звонок. Звонил вахтер из института, жаловался, что какой-то пьяный колочит в дверь, требует, чтобы я вышел, говорит, что позарез надо в акустическую лабораторию (в ту самую, где я являюсь начальником). А по инструкции и регламентации ан категорически запрещено впускать. Я вела узнать фамилию нарушителя. Вахтер отшел от телефона

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

и долго перекинулся у закрытой двери. Наконец он сообщил: «То ли Кис-кис какой-то, то ли Кас-кас, шут его знает, не разобрать». «Клаус-кис» — воскликнул я. «Фю-ю», — подхватила вахтер и добавила, что этот самый Кас-кис грозитися, что разобьет окно, а все равно проникнет в лабораторию. Я сказал вахтеру, чтобы выполняла инструкции: раз написала, никто не нарушит, значит, никого не впускать — и точка. Вахтер проворчал что-то и положила трубку. Не успел я заснуть, как снова зазвонил телефон. Вахтер криком доложил, что из акустической лаборатории доносятся «ясные» звуки, от которых волосы встают дыбом, и что лаборатория заперта изнутри и никто не отключается на стук. Вахтер спрашивала, как быть. Я сказал, что выхожу, и начал быстро одеваться.

Когда мы с вахтером подошли к лаборатории, то никаких «ясных» звуков не было. Вахтер шепотом побоялся, что звуки были, что до сих пор не опоминась и что кожа все еще торопилась. Я открыла дверь. Янис был здесь. Сопутившись под тяжестью, он тащил из дальнего конца лаборатории анализатор спектра. Большой макетный стол, на котором мы обычно собирали сложные схемы, был заставлен приборами. Стекло в одном из трех окон разбито. Янис поставил анализатор на стол и невозмутимо принялся расставлять динамики стереофонического звучания. Вахтер начала было шуметь и требовать немедленного составления акта, вызова милиции и так далее, но я спросила его убраться на свой пост, и он тутчас ушел.

Я вопросительно уставилась на Яниса, ожидая, что он сам объяснит, что все это значит. Он мелком загадывал на меня, тут же отводил глаза и вообще вел себя так, словно был в лаборатории один.

— Янис, — сказала я, — может быть, ты все же скажешь хоть что-нибудь?

Он отрицательно покачал головой. Тогда я подошла к шкафу питания и хотя мне было жалко Яниса, выключила рубильник.

— Янис, — виновато сказала я, — извини, у меня нет другого выхода.

Он поднес к лицу руки и дрожащими пальцами начал водить перем газлами.

— Не могу объяснить, — тихо сказал он и резко опустил на стул, почти рухнул.

Я подошла к нему. Все это казалось, больше чем странно. Клаускис сюда, почему спутавшись, поддерживая голову тонкими руками, он вдруг затрещал как в ознобе и уставился на меня своими тоскливыми глазами.

— Что ты собираешься делать, дружище? — как можно мягко спросила я. — Поиме, я начальник, отвечаю за лабораторию и должен знать.

Он согласно кивнул. Я ждал. Дрожа порывами охватывала его, и он изо всех сил сжимал свои маховики, как у мальчишки, кулачки. Я подумал, что неплохо бы увести его домой. Оставить его в лаборатории в таком состоянии было нельзя.

— Твоя планка — музыка, — начал он, с трудом подбирая слова. — Я должен ее прослушать. Анализатор, — он ткнул в большой массивный прибор, — понимаешь? — И быстро-быстро произнес что-то по-латышски, но тут же виновато взглянул на меня и сказал по-русски: — Этот звук — загадка, он сделан как по заказу. Там, внутри, что-то есть.

— Где внутри? — спросила я.

— Внутри звука. Там, в глубине. — Он зажмурился, мечтательно улыбнулся, и снова его губы искривились. — Давай вместе. Разрешни! Пропу.

— Ты хочешь разложить звук по частоте? — уточнила я.

— Да, да. Это очень сложный звук. Не могу понять, как он сделан. Это есть из каких простых звуков он состоит.

— Аumann, он делает?

— О! В этом я несколько не сомневаюсь.

— Почему?

— Так. Я знаю звук. Я вижу каждый звук, чувствую на вкус.

Он смотрел умоляюще, и я не выдержала: сбросив пальто, пошла к шкафу и выключила рубильник. Признаться меня самого сильно заинтересовала весь этот бред.

Клаускис тогда, как только вспыхнули лампочки, занялся своей схемой, предостереги испытанием. Поочередно, вставляя головой, борюча что-то на родном языке, он торопиво соединял провода, опуская их вдрагивающими пальцами, словно не доверял глазам. Я стоял рядом. Он блестяще разбирался в аппаратуре, схема была собрана без единой ошибки. Не прошло и минуты, как мощные динамики бумажки, раздался ровный, несильный шум, который на языке радистов называется фоном. Клаускис быстро отогнал его несколькими поворотами рукояток. Сделавшись тихо, но тишина эта была не безмятежной, какой она бывает, скажем, в зимнем лесу или в глубоком

Светлана ПОБЕРЕЯ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

Четыре года назад на республиканской выставке в Москве медали юных участников ВДНХ и премии получили: Автандил Абрамидзе, Эззар Багдадзе, Сергей Георгадзе, Теимураз Гагуния, Нугзар Далалшвили, Автандил Днасанладзе, Отар Кивадазе, Дато Кипшидзе, Микаэл Турбаевский и Теимураз Шатришвили. Они были из Ванского профтехучилища № 100. Но, номера еще не было, училища — тоже. Просто школа-интернат, прикрепленная к виде филиала к профтехучилищу № 28. Но было уже телеталанты ребята, и главное — был основоположник будущего училища, прекрасный мастер чеканки и скульптуры, известный своим работам далеко за пределами Грузии, Димитри Кипшидзе. Портрет-чеканка Шота Руставели его работы: зововал серебряную медаль ВДНХ. Саму школу назвали дипломом 2-й степени и грамотой ЦК ВЛКСМ.

А началось все с подготовки к празднованию юбилея Шота Руставели. Ванские школьники готовили немалозначительные, как оказалось вначале, подарки к знаменательной дате. Нужно было отобрать лучшие работы, подсказать ребятам тему или исправить ошибки. С этой целью и был приглашен Димитри Кипшидзе. Каждый месяц приезжал мастер из Тбилиси в Ван, ломался ребята. Из самых одаренных школьников образовалась небольшая кружок — не более 20 человек. Но ребята продолжали идти и идти... Опытно и стали первыми учениками школьного интерната, представлявшие лучшие работы на ВДНХ. После заслуженного

успеха 5 мая 1971 года школа получила свой номер «68» и звание Ванского профтехучилища прикладного искусства.

Не все страшно, что стремительно. Успех настроил учащихся на самый серьезный лад. За много километров в любую погоду посвящали будущие мастера к началу занятий и ежедневно в течение шести часов постигали правила и законы изобразительного искусства, учились грамоте ремесла. Вскоре остро ощутилась потребность в общении. Сдали работ и Димитри Кипшидзе в начале 1973 года были построены общежитие, столовая и спортплощадка. Болельству ребят по их желанию стипендию заменили бесплатные завтрашним питанием и одеждой. Кроме того, они получают 33 процента денежного вознаграждения от заказов работ.

В феврале 1974 года образовалась спецгруппа — строительное отделение. Они готовят кафельщиков, маляров, штукатуров. Самым интересным работам учащихся и выпускников отведена отдельная комната. Там при училище образовался своеобразный музей.

«Пу-104» медленно входил в черту Грузии. Пассажиры молчали. Под нами простерась истинно грузинский ландшафт: застывшие волны гор, мозаика полей, долов, поселков. Земля приближалась долго и как валюкское произведение природы и рук человеческих, поглощала все твои силы на одно лишь созерцание.

То же «музювное» чувство охватило меня при выезде в Ван — родину великого грузинского поэта Галактиона Табидзе. Высокий монумент девушки приглашал в город.

— Кто автор? — спросила я водителя. — Училище.

Училище... Я еще не знаю, что подобный ответ ждет меня и в маленьком музее училища и только после моих дотошных распросов назовут авторов отдельных работ.

Мы подошли к северу Галактиона Табидзе. С высокого постаментов в сторону своего дома задумчиво смотрел поэт. Вспомнило его стихи: «Я и ночь», «Ветер», «Меря и, конечно же, знаменитые «Синие кони». Они стремительны и красивы... Все: время года и дня, большое и малое — существование меняет трепетные черты северя. Казалось, он обладает легкой, рваной душой поэта. Во всяком случае, сейчас серя передавал одно из душевных состояний Галактиона:

Ночь знает о пути тернистом,
Игорь там где идти немощь,
Теперь мы двое в мире мглангом,
Мы двое в мире: я и ночь.

Более двух лет работал над эскизом северя Димитри Кипшидзе. Сейчас, может быть, немало жителей Ванки знают о том, что это он — автор проекта. Но пройтись сюда, и на вопрос очередного гостя кто-то так же кратко ответит: «Училище».

Когда здишься аллею скульптур, на ум приходит Древний Рим. Правда, в Риме выставлялись на площадях изображения свежеебожественных цезарей, зато здесь: колоссину сменил кузнец, современную девушку — вноградья, война старой эпохи — солдат Великой Отечественной войны. Тут все рассказывает о Грузии, о людях, о труде. Скульптурные работы гармонизируют с окружающим пространством и создают впечатление цельного ансамбля.

Грудо говорить о многих художниках сразу, когда различны сюжеты и манера исполнения, когда чувствуешь «руку мастера». И все же не хочется все это называть словом «работы», потому что сразу замлеют плачбы, на лбу выступит пот, голова заудит от идей и сомнений, — короче, ты ощутишь на себе труд скульптора. Поэтому все, сделанное училищем по городу и музею, мне хочется назвать мотивом — грузинским мотивом.

Страстно и вызывающе устремляется к небу Медва. Точно парадан характер этой женщины, могущественной в гневе и в любви. Это не просто фигура, исполненная в современном четком стиле, — это сам вывоз страсти, бушующей в человеке, природе, которая наградила его этим страстима. Скульптура wpisывается в эзототический северик, исполненный в той же манере.

Невозможно перечислить все работы по городу, как невозможно не рассказать о Литературной стене, — так назвала свой проект Сюзана Кипшидзе. Она закончила Тбилисску Академию художеств и ведет в профтехучилище курс живописи.

Серая прожженная стена как бы вотретила движение гор, а на ней целая серия сюжетов литературных произведений разных эпох и народов. Фонтаны выгодно оттенят керамику, глину, дерево и чеканку... Литературная композиция завершается обелиском Шота Руставели.

Странным и неожиданным показались мне ничем не приметное двухэтажное здание училища. Казалось, ничто не говорит здесь о тивахвх принадлежности к искусству. Напротив

мелкий дождь, во дворе жюки машины, ни души... Тут из дверей школы выбежал черноталый мальчуган и, сстроив мне забавную рожицу, скрылся в соседнем подъезде. Мне стало смешно, и я чуть было не пошла за ним. Как мать, может быть, в недалеком будущем мне придется оживать этой встрече очерки о мастере «Х!». Воляно переступать порог музея, велики страх разочарования...

Музей только что вернулся с очередной выставки, и его чеканки, барельефы, гипс, картины не успели еще застыть и приваляться к отведенным им местам. Своим художественным беспорядком он скорее напоминает мастерскую художника. В углах стопками стояли чеканки, на столе лежали эскизы тушью, на подоконниках — резные кубки из дерева и пыльный букет мимоз. Я обвела комнату глазами.

Огромный щит неподвижно смотрел на меня. Война. Войско персов чуть ли не в двадцать раз превышает войско Ираклия II. На защиту родины встает весь грузинский народ. И мать, перетавшая в этой войне мужа и девять сыновей, берет в руки меч... Превальной выразительности достиг Авандид Абрамидзе в этой чеканке. Он доказал неисчерпаемые возможности в одушевлении неподвижного металла.

Щит окружает чеканки из солнечного меди, благородной латуни и нежного алюминия. Это уже тема мира, труда.

Медь красива сама по себе, но за счет обработки кислотой и обжигающими можно добиться таких радужных переходов и цветowych пятен, что глаз

не оторвется. Такова чеканка Пернашвили «Девушка с виноградом». Каждой теме сопутствует свой материал. Латунь — это очень дорого. Но представьте себе «Крестьянина, сажающего деревья» или «Рабочего в металлургическом цехе» сделанными в алюминии, и вы не оцените всей значительности их труда. Поэтому Элгуذا Чопидзе выбрал для этих чеканок латунь.

Материал, обработка, тема, выразительные средства... Много, очень много нужно для оживления чеканки. Подрагивает перьям на пружинистой ветке петух. Он кувыркается в лучах восходящего солнца и поет... Поет «Рассвет». Так и называется чеканка Дато Кичишидзе, получившая приз ВДХК.

Руки скульптора нетерпеливы и любознательны. Они тянутся ко всякому материалу, способному передать объемную форму, будь то мрамор или глина, дерево или металл. Поэтому многие чеканки и скульптуры выполнены одним художником.

Продолжая лучшие традиции древних грузинских мастеров, начинающие творцы ищут новые способы обработки чеканок, новые сюжеты и изобразительные средства. С первого года обучения мастера не ограничивают фантазии ребят, дают им полную свободу в проявлении своих чувств, наклонностей, в выражении своих симпатий и антипатий, дают волю их воображению. Радам со скульптурной головой «Тундидзе» (автор Авандид Абрамидзе) голова «Мыслителя» (автор Бершидли Томаши), бюст греческого воина и голова современного юноши (автор Качарва Муртаз), фигура «Слепоруба» (автор Николашвили) и склоненная

фигура мужчины по теме Галатиона «Я и ночь» (автор Димитри Кичишидзе). Литературные герои и портреты современников, друзей...

Должно быть, много передумает художник, прежде чем ясно представить себе будущий образ. Иногда этот образ возникает внезапно, но такие внезапности редки и порой даже опасны, потому что так называемый «случай» может сделать художника рабом своей затеи. Допустим, скульптора изармил». Он видит свое едливо до мельчайших подробностей, так, как ему больше по душе. Этот образ мучит, преследует его. И каково же разочарование, если он окажется «проходным», случайным в творчестве художника. Большие мастера славятся не столько разнообразием тем, сколько их тонким отбором. Все приходит с годами... Но чтобы с годами не прошло все, еще в пору творческой незрелости ищи и ищи себя. Пробуй, какой очерк притянул только тебе, тебе одному. Он неповторим, как линии твоих дажди.

Я решился на это маленькое отступление, потому что в кругу столяков скульптурных работ, стольких характеров и творческих судеб поневоле задумаешься о творчестве в целом.

Труд скульптора сложен и кропотлив. Он требует большой физической силы, терпения и самообладания. Поэтому с уважением смотрю я на «Грузинский орнамент с крестом» работы Авандиды Абрамидзе. Да, опять он. И чеканки, и скульптура, и орнамент, и даже живопись. Его картина маслом «Жизнь и смерть» оригинальна и глубоко символична.

Картины маслом написаны выписк-

никами училища — это их дипломная работа. Умение распределить плоскости предметов, найти их ритмичное соотношение — одно из главных условий натюрморта.

На одной из картин Авандиды Диасалидзе изображены домашний стол, стушки, стулья, ящики (сир), прас (зелень). Все просто и обидно. Но уют домашнего очага чувствуется в теплых тонах натюрморта. «Ивинтарь виноградаря» работы Авандиды Гургендзе дает чуть ли не физическое ощущение присутствия человека. Как будто он только что приставил к стене хляп (буваши-черпалка для вина на длинном шесте) или вот-вот прокут руку за одним из предметов.

Мне всегда казалось, что живописец должен обладать взглядом оператора. Точно наметив будущий кадр-картину, убрав с поля зрения все, препятствующее выражению главного замысла, художник достигает предельной выразительности. Такими же увиделись пейзажи Димитришвили. Они приятны по цвету, сюжету их просты и правдивы, будь то веселый отдых современников или крестьянин, погоняющий волов, тянущих деревянную арбу.

Урок живописи. Это 1-й курс, но не первый урок — восторженности не жди. Сейчас лица ребят сосредоточены. Они уже познали нужность всех этих построений, из них не выйдет ни одного диалекта. Но будут ли большие художники? Время, опять время... Как-то мне удалось видеть выражение лица человека, небывающего за работой пейзажиста. И знаешь, в нем не было любопытства. Это была больба. Казалось, человек всю свою душу настроил на то,

ГТО

В ма я недавно свидетелем такого разговора. К мастеру участка ступица и муфты Московского артозавода имени Ленинского комсомола Василью Кочневу подошла группа его коллег с других заводов. Попросили рассказать, как ему удалось за короткий срок такой трудный участок из отсталости вывести в передовые, «открыть секрет» в работе с людьми, назвать приемы, которые он использует.

— Секрет успеха один — у меня на участке все сидит. Иерархия ГТО вполне подходит заниматься физкультурой, — ответил Кочнев. — А приемы в работе такие: утренняя и производственная гимнастика у всех, выходной день отдам отдыху; едем за город, идем в турпоход.

Многие, услышав эти слова, решили, что Кочнев «темит», не хочет говорить о деле, но когда познакомились с системой физкультурно-массовой работы на участке, говорили с рабочими, убедились, что ГТО и в действительности помогает повышать производительность труда.

Мне в свое время довелось работать на производстве: мастером, начальником участка, и теперь я смело могу утверждать: ГТО — дело рентабельное. Его влияние распространяется на столь далеко, казалось бы, от физкультуры стороны, о которых и думать не могли ученые, разрабатывавшие нормативы этого комплекса.

Взять хотя бы текучесть кадров. Это первичное звено: вот уже многие годы приносит промышленность огромные убытки. Особенно велика текучесть молодежи — на некоторых заводах до 80 процентов. Считаю, что главная причина — низкие заработки. Но исследования социологов показали, что зачастую молодежь уходит из предприятий, где заработка меньше, но зато есть все условия для занятий физкультурой и спортом. А ведь в этом «открытии» нет ничего удивительного. Наша советская молодежь стремится жить полноценной, насыщенной, интересной жизнью, ее не устраивают узкие производственные рамки — от гуаки до гуаки. И там, где администрация, профсоюзная организация и, конечно, прежде всего комитет комсомола понимают это, текучесть кадров из трудной проблемы постепенно превращается в несправное воспоминание о прошлом. Хотю привести ряд примеров с автозавода имени Ленинского комсомола, где благодаря хорошо налаженной спортивной работе даже в самых трудных, самых «текучих» цехах удалось добиться стабильного закрепления кадров.

Слово физику автоматного цеха Льву Гурьялеву:

— В работе по укреплению молодежи, как мы убедились на своем опыте, физкультуре и спорту принадлежит одно из ведущих мест. Мы начали с того, что пригласили их к месту жительства молодых рабочих: стали проводить работу в эжках, устраивать спартакиады обожеряти. Искоре они зах вылись в числе передовых по самым нормативам ГТО. К тому же мы завели спортивную дружбу с чехословацкими студентами, проживающими в Москве. Они часто бывают у нас в гостях, а на наши матчи съезжаются зрители со всех концов города. Недавно провели своего рода универсиаду (ведь в нашем цехе немало студентов),

ТОЛЬКО ЧТО У ЭТИХ СПОРТИВНЫХ ДЕВУШЕК ЗАКОНЧИЛАСЬ ОЧЕРЕДЬЯЯ ТРЕНИРОВКА. ПОЛУЧИЛ НОВЫЙ ЗАРЯД ВОДОРОСТИ ПЕРВЯ ЗАВТРАШНИМ ТРЕНОВОМ ДНЕМ.

- ДЕЛО РЕНТАБЕЛЬНОЕ

ВАСИЛИН, ЗАНЫ, ОБГРЫТЫЕ ПЛОЩАДИ С УТРА ДО ВЕЧЕРА В ПОЛ-НОМ РАСВОРЖЕНИИ РАБОЧИХ МОЛОДЕЖИ АЗКА.

и наши представители заняли почти все призовые места. Но, помимо чисто спортивных результатов, есть и куда более важный — экономический: мы забыли о текучести, наоборот, к нам прорвался из других цехов и даже заводов, и часто только потому, что у нас спорт в почете.

Два года назад владдчик автоматного цеха Владимир Кондратенков решил уйти с завода. Но его «спросили» перед уходом сдать нормативы ГТО. Шесть лет проработал в этом цехе Володя и никак не мог отказать товарищам. Сдав нормы, он явдот объявил, что себя спортивные способности. Да и другие заметили у него быстроту реакции, умение быстро ориентироваться. Предложил сыграть в волейбольной команде. Володя сыграл отлично и вскоре стал капитаном команды — членом завода. Кондратенков остался на заводе и не жалеет об этом.

Какая же история произошла и с Николаем Андрионовым. Он тоже подал заявление, но его попросили остаться на время: дескать, заменить нечем. Остался. А тут подошло в комсомольское поручение вести пропаганду ГТО в цехе. Андриова Других, Николай сам увлекся физкультурой, сдал нормы ГТО, затем записался в секцию и на первых же соревнованиях оказался победителем. И решил: Коля не увольняться до зимы. А зимой активная спортивная жизнь так увлекла парня, что он решил остаться навсегда — в цехе. Сейчас Николай Андрионов — член цехового комсомольского бюро, возглавляет спортивную секцию.

Руководителя производства, особенно мастера, которых больше приходится сталкиваться с рабочими, давно заметила, что физкультура и спорт, особенно теперь, когда подготовка к сдаче нормативов ГТО стала неотъемлемой частью образа жизни молодых рабочих, влияют не только на производительность труда, но и значительно повышают рационализаторскую активность. И это не случайно. Принцип тут несколько. Во-первых, как говорят все, кто испытал это на себе, «голова становится после стадиона светлее и лучше думать». А во-вторых, тренируясь, спортсмен вместе с тренером ищет свои резервы, учится рационально расходовать силы, чтобы победить на беговой дорожке, выполнить нормативы, завоевать спортивный разряд. Такой поиск не проходит для парня или девушки бесславно: навыки приобретаются и постепенно входят в привычку. Теперь уже, и стоя у верстальной станка, рабочий пытается искать резервы и находит их.

Вот как об этом рассказывает слесарь АЗАК Виктор Агашин:

Я раньше не задумывался над тем, как работать. Выпадал поручки и да мой. А потом, когда после сдачи норм ГТО меня потянуло в спорт и я стал заниматься в секции легкой атлетики, тренер постоянно напирал на то, чтобы и экономно расходовать свои силы, меньше делать лишних движений. Выполнив его указания, я вскоре сдал на разряд и победа в заводской спартакиаде. А потом как-то пришла на участок и думаю, а почему бы мне не экономить движения и тут. Ведь я могу брать сразу одной рукой и гайку, и шпатель, и контргайку, а другой держать гайковерт. Став думать так и вскоре начал выполнять норму на 140 процентов. Постепенно я «заразился» поиском резервов. Став экономить уже не только движения, но и воздух, и масло, и электроэнергию. Так ГТО дал мне путь к рационализации.

Мастера заметила, что спорт развивается у молодых рабочие и другое очень полезное качество — стремление побеждать. Среди значков ГТО продолжающих занятия физкультурой и спортом, легче организовать социа-

СПОРТКЛУБ «МОСКВИЧ» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ КОЛЛЕКТИВ ФИЗКУЛЬТУРЫ АВТОЗАВОДА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. В СПОРТИВНОМ МИРЕ ЕГО РЕПУТАЦИЯ ТАК ЖЕ ВЫСОКА И НАДЕЖНА, КАК И У ЗНАМЕНОТОГО ТЕЗКИ.

агнетическое соревнование. Они более темпераментно реагируют на ход соревнования, у них ярче выражено столь необходимое на производстве чувство лидерства».

Ведь самое главное в организации социалистического соревнования — это заставить людей состязаться в труде («спортивном»). Люди должны соревноваться с огоньком, с чувством ревности к успехам соперника, с желанием победить до того бы то ни стало. Если рабочие равнодушно относятся к тому, кто кого победит, не «болеют», — удач такого коллектива — вечно поместись в ящике. И как важно, когда на участке есть люди, которые вносят забор, огонь ревности, желание не уступать. Наруша «спячку», они устраивают коллектив, разжигают забор и азарт, подводят желание помериться силами. Как правило, такие энтузиасты оказываются к тому же и настоящими спортсменами.

На АЗЛК очень популярны комсомольско-молодежные бригады Николая Горбачева, Петра Шпинкина, Леонида Рожковой, Николая Морозовина. Для членов этих бригад ползти в зоостроение или уступить первенство в соревновании — самое обидное. Именно этот дух вывел их в число передовых, и не только по заводу. Как вы уже догадались, в бригадах этих все без исключения занимается физкультурой.

Не могу не вспомнить и об участке первичного вала деха коробка передач. Участок молодежный. Раньше он числился в середнячках: не отставал, но никогда и вперед не вырывался. Но вот в бригаду пришел мастер бывший токарь Владимир Рожков. Он спортсмен и сумел принять рабочим

любое к спорту, постепенно привлек всех к сдаче нормативов ГТО. На стадионе, в бассейне, в туристских походах мастер привлекал своих товарищей «быть впереди», «завзят призовое место». И вот однажды на собрании бригады комсомольско-молодежной бригады Владимир Макаев встал и сказал: «Почему мы должны ходить только в середнячках? Раз побеждаем на стадионе, давайте побеждать и здесь!» С этого дня начались внутрибригадные соревнования. Соревновались по многим показателям: по качеству, учебе, культуре производства, поменьше производительною труда, экономии. Так бригада стала одной из лучших в дехе.

— Спорт, именно спорт научил нас соревноваться, помог нам вылезти из «середнячков», — сказала мне мастер Владимир Рожков. — Ну, а к спорту нас привлек, конечно, комплекс ГТО.

Заметила на заводе после внедрения ГТО и такой факт. Те участки, где хорошо поставлена физкультурная работа, как правило, связаны высокой культурой производства. А это значит, что в хорошем состоянии содержатся рабочие места, отсутствуют травмы, улучшается качество продукции. Государство получает дополнительно многие тысячи рублей экономии. И это без каких-либо материальных затрат.

Раньше революльный участок автоматного деха, где мастером работает Михаил Петрович Давылов, не был стал высокой культурой. Вначале для начала производственную гимнастику. И тут же люди потребовали, чтобы на участке был чистый воздух, заставили улучшить вентиляцию. Бывало, дуло

мисаю на пол и стружка валлась — мало кого это беспокоило. Теперь чуть что — и уже спешит к веряке Профгруппу Александра Ермолова, заставляет убирать за собой. Стараниям завкачтов ГТО навел здесь идеальную чистоту и порядок. Теперь продукция революльного участка не имеет рекламаций, вот уже третий год не зарегистрировано ни одной травмы. Производительною труда выросла более чем на 12 процентов.

— Недавно встретила я на торпедавомском стадионе самаря петомо-механического деха ЗИЛА Анатолия Зайцева, только что сдавшего нормативы ГТО. Разговорились (раньше рабочий вместе). Я спросила, дава ли ему конкретную пользу подготовка к сдаче нормативов ГТО.

— Судя сам, — ответил Анатолий. — Раньше с трудом выполняла норму на 102 процента и сие типца ноги домой. А теперь спокойно даю 125 процентов и больше. И не считаю это пределом. И чувствую себя бодро.

Встретила я на стадионе и Александра Антоновича Герасимова. Он тоже из петомо-механического деха. Ему уже за сорок. Работа у него не из легких. Одно время была мысль уйти из деха: часто болел. Но вот майя встал за молодежкою сдавать нормативы ГТО, почувствовал себя бодро и постепенно перешел к систематическим занятиям физкультурой. Сейчас Герасимов забыл о болезнях. Разве только себе принес он пользу? Выгода и заводу. Из-за слабого здоровья ему часто приходилось брать больничные листы. Значит, надо было искать ему замену, но такого квалифицированного рабочего, каким является Александр Анто-

нович, заменить нелегко, а летом, в период отпусков, почти невозможно. — Если бы не ГТО, так, наверно, и остался бы, как меня звали, «вывалдом без группы», — сказала мне Герасимов.

Физкультура и спорт — незаменимые помощники в труде. Наряду с автоматизацией и механизацией производственных процессов они вносят свой весомый вклад в дело повышения производительности труда, дают экономический эффект и прибыль. И не случайно XVIII съезд Ленинского комсомола в числе других важных вопросов специально рассматривал проблемы пропаганды комплекса ГТО среди молодежи и предложил как можно шире распространять инициативу комсомольских организаций Белоруссии «Физкультура и спорт — на службу пятилетке!». В материалах съезда прямо сказано: «Больше внимания уделять комсомольско-молодежным коллективам, добиваясь, чтобы каждый молодой рабочий занимался физической культурой и спортом, участвовал в сдаче нормативов ГТО».

Работа предстоит большая, а сложностей, трудностей немало.

Настала, по-моему, пора собрать представителей комсомольских организаций лучших предприятий страны (таких, как ВЭФ, ЗИЛ, АЗЛК), хорошо использующих «рентабельность» физкультуры, поставить его на научную основу.

Пока же многие, даже лучшие коллективы впадают в собственном соку, а отсюда неизбежный шлобон и кустарщина.

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

Рисунок Евгения МИЛУТИН

Рисунок Леонида ТИШКОВА

Рисунок Владимира ИВАНОВА
и Виктора СТРЫЛЕВА

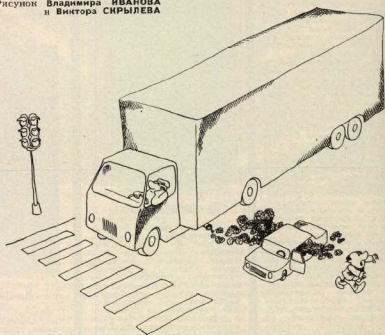
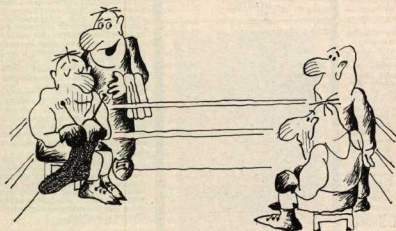

Рисунок Игоря ВОРОБЬЕВА

— ПРАВИЛЬНО ПОКАЖИ ЕМУ, КАК ТЫ СПОКОЕН...

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, МОСКВА, А-15,
Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 233-30-87

Сдано в набор 19/IX 1974 г. А 00870. Подписано и печати 9/Х 1974 г. Формат 70x108½.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 2476. Заказ № 2796.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газет «Правда» имени В. И. Ленина.
125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Правда», 24.

КРЕЙСЕР "АВРОРА"

Слова
Михаила МАТУСОВСКОГО
Музыка
Владимира ШАИНСКОГО

Дремлет притихший северный горд,
Низкое небо над головой,
Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда утро встает над Невой!

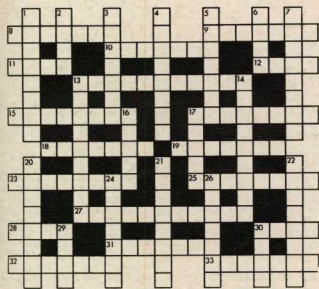
Может, ты снова в тумачь мохнатых
Всплывши орудий видишь вдали,
Им, как прежде, в черных бушлатах
Грозно шагают твои патрули!

Волны крутые, штормы седые —
Доля такая у кораблей,
Судьбы их тоже чем-то познаны,
Чем-то похожи на судьбы людей.

Ветром соленым дышат просторы,
Иногда крестят мрак грозный...
Что тебе снится, крейсер «Аврора»,
В час, когда утро встает над Невой!

Составил Н. СИРАЗЕТДИНОВ, г. Оренбург

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Генератор для замига-
ния смеси в цилиндрях дви-
гателя. 9. Опера В. Мураде-
ли. 10. Один из героев опе-
ры Т. Хренникова «В бурю».
- Белорусская пядьсовая
песня. 12. Горная система в
Южной Америке. 13. Специа-
лист в области техники,
строительства. 15. Злаковое
растение. 17. Торжествен-
ный день. 18. Быстрое по-
вторение музыкальных зву-
ков. 19. Выразитель и за-
щитник определенного ми-
роозорения. 23. Стоянове-
ние стремления. 25. Интереса
в художественном произве-
дении. 25. Притон Иртыша.
- Участник массового шес-
та. 31. Город в центре Индии.
- Руководитель спортив-
ной команды. 33. Величина,
определяемая в математиче-
ском действии.

По вертикали:

- Комплект мебели. 2.
Город в Ульяновской обла-
сти. 3. Балальный танец. 4.
Рыбный, обуславливающий дви-
гатель. 5. Аппарат для по-
лучения соли темпа, скем. 6.
Травянистое душистое
растение. 7. Исторически
слонившийся обычай, взгля-
ды, норма поведения. 13.
Огородное растение. 14.
Коченный иголок, полизатель.
- Спортсмен, царевой
тисст. 17. Декоративное ва-
нозеленое дерево, кустар-
ник. 20. Овощное растение.
- Путешественник,
пользующийся транспортом. 22.
Артист, искусный подража-
тель. 24. Форма сельскохо-
зяйственной кооперации в
первые годы Советской вла-
сти. 26. Переходной работник,
новатор. 29. Сорт яблон. 30.
Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ в № 20

По горизонтали:

- Магариново. 5. Диалог.
- Тристан. 11. Бре-
дия. 15. Плавир. 16. Водор.
- Граната. 18. Протан. 19.
Перси. 20. Ночотот. 23. Дек-
тор. 25. Ганец. 26. Пешков.
- Лаванда. 29. Образова-
ние. 30. Терракота.

По вертикали:

- Амригсар. 2. Арон. 3.
Володая. 6. Траверт. 7. Тар-
чет. 8. Транспортир. 9. Уни-
версида. 12. Кларнет. 13.
Нагата. 14. Павлик. 15.
Орбита. 22. Отгант. 24. Трес-
сица. 25. Гравилат. 26. Ко-
лас.

ЛУЧШИЕ РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ.

чтобы стать свидетелем рождения Великого. Его взгляд молил, требовал, торопил: будь гениальным! Сделай что-нибудь великое! Не этот ли призыв, призыв человечества, дает силы художнику «перепрыгнуть» через себя? Ради веры и благодаря ей!..

В классе по обработке камня невозможным перестук. Бела пыл поднимается от камней. Если бы ребята стучали в унисон, наверное, обвалился бы потолок. По этому характерному ритму важна мастер Джио Мегвенишвили может составить представление и о характере ученика и о его настроении. Вслушиваясь... Долото позвякивает озорно, но кто-то задремывает. Видит лицо юноши. Повернётся, необыкновенно одухотворенное лицо! Подхожу к Зурабу, смотрю, как он вызывает из-под ровной поверхности камня образ Нефриты, знакомый контур. Он еще до армии пришел в училище. Зураб после службы вернулся, но уже на 2-й курс. Зураб работает почти без перерывов между уроками, работает как одержимый здесь, в доме. Джио любит своих учеников, но Зураб... Простим талантливому мастеру эту слабость.

Если работу художника называем мы «детским», то ученик — и работа и детские мастера вместе.

Мастер Ткецишавили ведет группу скульптуры, чеканки и резьбы по дереву. Здесь, тепло, шумно и молчаливо. Молчат на стеллажах полураскрытые гипсовые рты... Молчат еще не ожившие головы из глины. Застави дальше медленные листы, на которые переносились рисунки будущей чеканки. Мастер посвящает, что перенесение эскиза на лист — самый ответственный момент в работе. Профиль Скандербега, кажется, начинает оживать. Что будет после чеканки, мне узнать не суждено.

Также приходится юному скульптору Геви Рехвадзе. Сколько нужно сил, чтобы среди эдакого шума сосредоточиться и думать, думать... Оживлять серо-желтую глину дополнить одним движением, чтобы не замучила материал, штрихи, присуше только данному характеру. Желье и преренние, ум и воля чувствуются в будущей скульптуре. Как может юность так проникнуть в черты незаурядной личности! Откуда эти познания у Геви Рехвадзе? Может, итущущая? Итущущая юности? Мне нравится эта работа, но мастер сдержан, — если будет ошибка, заставит переделать все заново. Мне жутко, как будто это моя работа. Неумолимый мастер! Но ему видно, он всегда требует еще большего от тех, кто много может. Это требование — его высшая оценка. Он учит не на время, учит на жизнь, может быть, даже на века.

После урока Ткецишавили оживляется. Оказывает, подводит к концу отдельные работы нового учебного корпуса на 500 мест. Четырехэтажное здание училища со столовой, общежитием, автовым и спортивным залом. И тогда... Разделяет группы чеканки и скульптуры. Тогда Геви Рехвадзе сможет отойти от своей модели, не затрачивая столько сил, чтобы погрузиться в размышления. Так вот что мучит мастера. Ах, мастер, мастер... Я-то думаю, ты неутомим.

Дождь все еще накрывал. Там, на горе Ахведиани, белела фигура мудрой и сильной женщины: мать Колхиды смотрела на вечноюй Ван... Освещенные окна домов полыхали, как жертвенные костры. Неумоливая Сулори неслась с горы, бурлила и дымилась... Я загадала желание и бросила в горный поток монету.

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820

